

Жестокие игры

Лорен Оливер

Паника

«ЭКСМО»

2014

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Оливер Л.

Паника / Л. Оливер — «Эксмо», 2014 — (Жестокие игры)

Маленький городок в американской провинции. Скука смертная. Единственное желание любого выпускника местной школы – уехать отсюда. И, конечно, выиграть в «Панику». Когда-то давно эту жестокую и нелегальную игру на выживание придумали сами школьники: опасные задания, таинственные судьи, имена которых держались в секрете, ведущий, участники только из выпускных классов и денежный призовой фонд. В тот день Хезер Нилл пришла на городской пляж поддержать свою лучшую подругу – Натали Велец. И вовсе не собиралась участвовать в этой игре. Но объявленный ведущим призовой фонд в 67 тысяч долларов заставил ее изменить решение. Дойти до финала и победить, забрать деньги и уехать из этого чертового городишки, оставив за плечами пьющую мать, бросившего ее парня и несбывшиеся мечты, – вот ее новая цель. Правда, шансов на победу не так уж много... Впервые на русском языке! Новый роман от автора бестселлеров «Делириум» и «Прежде, чем я упаду».

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Оливер Л., 2014
© Эксмо, 2014

Содержание

18 июня, суббота	6
25 июня, суббота	15
26 июня, воскресенье	28
28 июня, вторник	34
1 июля, пятница	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Лорен Оливер

Паника

Lauren Oliver

Panic

Copyright © 2014 by Laura Schechter

© Коваленко Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Посвящается моему замечательному редактору Розмари
Броснан. Спасибо за твою мудрость, поддержку и, самое главное,
за твою дружбу. Без твоей поддержки я бы не дописала эту книгу.
Спасибо за то, что помогаешь мне писать лучше.*

18 июня, суббота

Хезер

Вода была настолько холодная, что у Хезер перехватило дыхание, пока она пробиралась сквозь заполонивших пляж детей, которые стояли на мелководье и размахивали полотенцами и самодельными плакатами, подбадривая оставшихся прыгунов.

Она сделала глубокий вдох и нырнула. Голоса, крики и смех тут же стихли.

Но один голос по-прежнему звучал у нее в голове.

Я не хотел, чтобы все случилось так.

Эти глаза, длинные ресницы, родинка под правой бровью.

Просто в ней что-то есть.

Что-то есть в ней. Что означало – в тебе нет ничего особенного.

Сегодня Хезер собиралась признаться ему в любви.

Дикий холод жгучей болью проходил по телу. Ее джинсовые шорты казались такими тяжелыми, будто были набиты камнями. К счастью, годы заплывов на скорость по заливу и карьерам вместе с Бишопом сделали Хезер Нилл сильной пловчихой.

В воде была куча тел – прыгуны размахивали руками и ногами, разбрызгивая воду, а болельщики, присоединившиеся к их торжественному заплыву, плескались в карьере прямо в одежде, прихватив с собой пиво и косяки. Хезер слышала отдаленный шум ударных и слабое постукивание. Она позволила ему нести себя по воде без страха и лишних мыслей.

Самое главное в Панике – не бояться.

Она вынырнула на поверхность, чтобы набрать воздуха, и поняла, что уже проплыла это небольшое расстояние и достигла противоположного берега. Уродливая груда деформированных камней, покрытых пятнами черного и зеленого мха, напоминала древний набор конструктора «Лего». Испещренные трещинами и щелями камни тянулись к небу, возвышаясь над водой.

Уже прыгнул тридцать один человек – все они друзья и бывшие одноклассники Хезер. Только небольшая кучка людей осталась на вершине хребта. С северной стороны карьера зубчатый и скалистый выступ береговой линии выдавался на сорок футов в высоту, словно огромный зуб, пробившийся сквозь землю.

Было слишком темно, чтобы можно было кого-то разглядеть. Огни маяка подсвечивали только береговую линию и на несколько футов освещали чернильно-черную воду и лица людей, которые уже прыгнули, но все еще бултыхались в воде, подначивая других участников. Счастливые и торжествующие, они совсем не чувствовали холода. Вершина хребта была покрыта черными густыми зарослями. Непонятно, то ли деревья захватывали скалу, то ли скала постепенно отодвигалась в сторону леса.

Но Хезер знала, что они были там. Достигнув вершины хребта, все участники должны были назвать себя, а затем спортивный комментатор этого года Диггин Роджерс повторял их имена в мегафон, который он позаимствовал у своего старшего брата – полицейского.

Три человека еще не прыгнули – Мерл Трейси, Дерек Клиг и Натали Велец. Нэт.

Лучшая подруга Хезер.

Хезер втиснула пальцы в трещины в скале и подтянулась. В предыдущие годы она наблюдала, как другие игроки карабкались на хребет, будто огромные пьяные насекомые. Каждый год участники старались прыгнуть первыми, хотя и не получали за это никаких дополнительных баллов. Просто из самолюбия.

Хезер сильно ударилась коленом об острый изгиб скалы. Посмотрев вниз, она увидела, что ее коленная чашечка немного кровоточит. Странно, но она совсем не чувствовала боли. И хотя все по-прежнему подбадривали участников шумом и криками, звуки доносились как будто издалека.

Слова Мэтта заглушали все голоса.

Послушай, у нас с тобой ничего не выйдет.

В ней есть что-то особенное.

Но мы можем остаться друзьями.

Воздух был прохладный. Поднялся ветер, напевая свою песнь между старыми деревьями и отправляя вверх лесной рокот. Но Хезер уже не было холодно. Ее сердце сильно билось. Она нащупала еще одну зацепку в скале, уперлась ногами в скользкий мох и подтянулась, как это делали игроки, за которыми она наблюдала каждое лето с восьмого класса.

Краем уха она слушала голос Диггина, искаженный мегафоном: «В конце игры... новый участник...»

Но половину его слов унесло ветром.

Выше, выше, выше, не обращая внимания на боль в пальцах и ногах, стараясь держаться левой стороны хребта, – камни, прижатые там друг к другу под разными углами, образовали широкий выступ, по которому было легко ориентироваться.

Внезапно мимо Хезер пронеслась чья-то темная фигура. Хезер чуть не соскользнула со скалы, но в последнюю секунду она удобнее поставила ноги на узкий выступ и сильно вцепилась пальцами в скалу, чтобы удержаться. Хезер услышала громкий одобрительный возглас, и ее первой мыслью было: «*Натали*».

Но затем прогремел голос Диггина: «Леди и джентльмены, он *прошел*! Мерл Трейси, наш тридцать второй участник!»

Хезер была уже почти на вершине. Она глянула назад и увидела крутой склон зубчатых скал и темную воду, волнами разбивающуюся у подножия хребта. Ей вдруг показалось, что все это находится на расстоянии миллионов миль.

Ее затошнило, и на секунду, когда туман рассеялся над головой, ее гнев и боль ушли, и ей захотелось спуститься назад, назад в безопасность, где ее ждал Бишоп. Они могли бы поехать к Дот на вечерние вафли с двойной порцией повидла и взбитых сливок. Они могли бы ехать, распахнув все окна, слушая стрекотание сверчков, или сидеть на капоте машины Бишоп и болтать ни о чем.

Но было слишком поздно отступать. Шепот Мэтта снова зазвучал в ее голове, и она продолжила карабкаться.

Никто не знает, кто придумал Панику и когда все это началось.

На этот счет есть разные теории. Согласно одной из них, всему виной закрытие бумажной фабрики, которое за ночь оставило без работы сорок процентов населения города Карп, штат Нью-Йорк. Майк Дикинсон, который был позорно арестован за распространение наркотиков в тот же вечер, когда его объявили королем выпускного бала, теперь меняет тормоза в автомастерской Джиффи Люб на двадцать втором шоссе. Он приписывает себе создание Паники, поэтому он по-прежнему ходит на Первый Прыжок, даже спустя четыре года после окончания школы.

Однако ни одна из этих историй не является правдивой. Как и любая другая затея в Карпе – бедном городишке в богом забытом месте, – Паника началась потому, что летом больше нечем было заняться.

Правила просты – в день после выпускного состоится Первый Прыжок, а затем игра длится все лето. После финального испытания победитель получает награду.

Все в школе Карп без исключения кладут взнос в призовой фонд. Плата – доллар в день, пока работает школа – с сентября по июнь. Люди, которые отказываются платить по счету,

получают напоминания. Вначале спокойные, затем более убедительные – от взломанного шкафчика до разбитых окон и разбитого лица.

Довольно справедливо. Любой желающий имеет шанс выиграть. Затем следует второе правило – играть могут *только* выпускники, но все они имеют право участвовать. Свое намерение играть они выражают с помощью Прыжка – первого из испытаний. Иногда по сорок человек принимают участие.

Но победитель всегда только один.

Два судьи планируют игру, выбирают испытания, дают инструкции, награждают участников и подсчитывают баллы. Их выбирают судьи предыдущего года в условиях строгой секретности. За всю историю Паники никто не признался, что был судьей.

Разумеется, не обходилось без подозрений, основанных на слухах и домыслах. Судьям полагается оплата, а Карп – небольшой городишко. Как Майра Кемпбэлл, которая всегда утаскивала еще один обед из школьной столовой, потому что у нее дома совсем не было еды, вдруг смогла купить себе подержанную «Хонду»? Она сказала, что у нее умер дядя. Но никто никогда не слышал о ее дяде. Никто даже и не *замечал* Майру, пока она не приехала на машине с опущенными стеклами, покуривая сигарету. Солнце так ярко светило в лобовое стекло, что практически скрывало ее улыбку.

Два судьи, выбранные втайне, клялись молчать и действовать сообща. Все должно быть именно так. Иначе им бы стали предлагать взятки и, возможно, угрожать. Вот почему их двое – чтобы поддерживать систему в равновесии, уменьшить вероятность того, что один из них будет жульничать, и избежать утечки информации.

Если игроки знают, чего ожидать, они могут подготовиться. А это уже совсем нечестно.

Отчасти эффект неожиданности и незнание ситуации сначала привлекают игроков, а затем отсеивают их одного за одним.

После того как все взносы подсчитаны, а судьи (кем бы они ни были) взяли свою долю, награда обычно составляет более пятидесяти тысяч долларов. Четыре года назад, получив свой приз, Томми О'Хара купил в ломбарде две вещи, одной из которых был лимонно-желтый «Форд». Затем он уехал прямо в Вегас и поставил все на черное.

На следующий год Лорен Дэвис вставила себе новые зубы и сделала новую грудь, после чего переехала в Нью-Йорк. Два года спустя она вернулась в Карп на рождество и пробыла там достаточно долго, чтобы покрасоваться своей новой сумочкой и еще более новым носом, а затем снова уехала в Нью-Йорк. Если верить слухам, она встречалась с бывшим продюсером какого-то реалити-шоу о потере веса, стала начинающей моделью компании «Виктория Секрет», хотя никто ни разу не видел ее ни в одном каталоге (а большинство парней смотрели эти каталоги).

Конрад Спарлок отправился на производство метамфетаминов, которое было сферой деятельности его отца, и вложил деньги в новое здание на Маллори Роуд, поскольку их предыдущее здание сгорело дотла. А вот Шон МакМэнус потратил деньги на учебу в колледже – он подумывает стать доктором.

За семь лет игр было три смерти. Четыре, если считать Томми О'Хара, который застрелился с помощью второй вещи, купленной в ломбарде, после того как ему выпало красное.

Понимаете? Даже победитель Паники чего-то *боится*.

Так вот, начало Паники – день Прыжка – следует за выпускным.

Отматываем обратно на пляж. Но сначала вернемся на несколько часов назад – до того, как застывшая Хезер стоит на хребте, боясь прыгнуть.

Немного поверните камеру. Мы не совсем там. Но уже почти близко.

Додж

Никто на пляже не поддерживал Доджа Мэйсона. Никто бы и не стал его поддерживать, как бы далеко он ни прошел.

Но это не имело значения. Значение имела только победа.

У Доджа был секрет – он кое-что знал о Панике, возможно, даже больше, чем любой другой человек на пляже.

Точнее, у Доджа было *два* секрета.

Он любил секреты. Они воодушевляли его, заставляя его чувствовать свою силу. В детстве он даже представлял, что у него есть свой тайный мир, собственное место теней, где он всегда мог свернуться калачиком и спрятаться от всего. Даже теперь, когда Дэйну снова стала мучить боль, от которой она плачет; когда мама Доджа заливает дом освежителем для воздуха и приглашает в гости своего нового гребаного хахаля, и посреди ночи Додж слышит, как спинка их кровати бьется о стену, каждый раз, как удар в живот, – даже теперь ему хочется погрузиться в свой сокровенный темный мир.

Все в школе считали Доджа слабаком. Он знал это. Он даже *выглядел* как слабак. Он всегда был высоким и худым. Его мама говорила, что он угловатый, как и его отец. Насколько он знал, единственное, чем они были похожи с отцом – доминиканским кровельщиком, с которым его мама встречалась какое-то время еще в Майами, – так это угловатостью и темной кожей. Додж никак не мог запомнить его имя. Роберто. Или Родриго. Какое-то дурацкое.

Додж считал, что они все *застряли* в Карпе, – он, Дэйна и мама были как пустые полиэтиленовые пакеты, которые носит по стране внезапными порывами ветра и которые иногда цепляются за телефонные столбы или ненадолго запутываются под колесами какого-нибудь грузовика. В день, когда они застряли в Карпе, Доджа избили три раза – один раз Грег О’Хара, затем Зев Келлер, а потом *снова* Грег О’Хара. Просто, чтобы убедиться, что Додж усвоил местные правила. И он не дал сдачи. Ни разу.

Раньше ему приходилось и похуже.

Это и было вторым секретом Доджа, который придавал ему сил.

Он не боялся. Ему просто было все равно.

А это было уже нечто совершенно другое.

Небо было испещрено красным, фиолетовым и оранжевым цветами. Оно напоминало Доджу огромный синяк или фотографию человеческих внутренностей. До заката и до Прыжка по-прежнему оставалось около часа.

Додж открыл бутылку с пивом. Это его первая и единственная бутылка. Напиваться ему не хотелось, да и необходимости в этом не было. Но день был жаркий, и Доджу, который пришел сюда прямо с работы, очень хотелось пить.

Народ только начинал собираться. Время от времени Додж слышал приглушенное хлопанье машинной двери, крики приветствия, доносящиеся из леса, и грохот музыки вдалеке. Шоссе Виппурвиль находилось на расстоянии четверти мили; ребята начали появляться на дороге, пробираясь сквозь густой подлесок, отмахиваясь от висящего мха и лозы. Они несли переносные холодильники, одеяла, бутылки, динамики для айпода и занимали места на песке.

Со школой было покончено навсегда. Додж сделал глубокий вдох. Из всех городов, в которых он когда-либо жил, – Чикаго, Вашингтон, Даллас, Ричмонд, Огайо, Род-Айленд, Оклахома, Новый Орлеан, Нью-Йорк, – последний привлекал его больше всего. Все в этой жизни меняется.

Первым приехал Рэй Хэнрэхэн со своими друзьями. Это было неудивительно. Даже несмотря на то, что участников Паники не объявляли до Прыжка, Рэй на протяжении нескольких месяцев хвастался, что уйдет домой с призом, как и его брат два года назад.

Люк с трудом выиграл в последнем раунде Паники. Он ушел с пятьюдесятью тысячами в кармане, в то время как другая участница не смогла даже уйти. Она никогда больше не сможет ходить, если верить докторам.

Додж переворачивал в руке монетку, заставляя ее исчезать, а затем снова появляться между пальцами. Когда он был в четвертом классе, один из ухажеров его мамы (он не помнил точно, кто именно) купил ему книгу о фокусах. Тогда они жили в Оклахоме, в этой дыре в центре страны, где солнце выжигало землю до грунта, а трава, выгорая, становилась серой. Там он провел все лето, тренируясь доставать монеты из чьего-нибудь уха и незаметно прятать карты в кармане.

Поначалу он затеял это, чтобы убить время, но потом это стало чем-то вроде зависимости. Людям казалось, что они следят за каждым движением, их разум выдавал желаемое за действительное, но глазам нельзя было верить. В этом было что-то изысканное.

Додж знал, что Паника – это один большой магический трюк. Судьи – те же фокусники, а все остальные – тупые зеваки.

Далее шел Майк Дикинсон с двумя своими друзьями. Все они были уже изрядно пьяны. Волосы Дика начали редеть, и, когда он нагнулся, чтобы поставить мини-холодильник, было видно его залысины. Его друзья несли полусгнивший стул спасателя, на котором во время игры будет сидеть комментатор Диггин.

Додж услышал пронзительное зудение. Он бессознательно прихлопнул комара, который только начал пить кровь, размазывая по икре то, что от него осталось. Он ненавидел комаров. И пауков. Хотя другие насекомые ему нравились и казались интересными. В чем-то они напоминали ему людей – глупые, а иногда и порочные, ослепленные своими потребностями.

Небо становилось темнее, все цвета стали бледнеть, скрываясь за хребтом над кронами деревьев, как будто кто-то выключил свет.

Следующей шла Хезер Нилл, за ней Нэт Велец и, наконец, Бишоп Маркс, счастливо семенивший за ними, как овчарка-переросток. Даже издали было видно, что обе девушки были как на иголках. Хезер что-то сделала со своей прической. Он не знал, что именно изменилось, но она не только не собрала волосы в привычный хвост, но и будто бы выпрямила их. Додж не был точно уверен, но ему показалось, что она даже накрасилась.

Он сомневался, стоит ли подходить и здороваться. Хезер классная. Ему нравилось, что она такая высокая и сильная. Ему нравились ее широкие плечи и походка с прямой осанкой. Хотя он был уверен, что ей хотелось бы быть на несколько дюймов ниже – это можно было понять по тому, что она всегда носила только туфли без каблука и кроссовки со стертой подошвой.

Но если он подойдет к ним, придется говорить и с Натали, а у него от одного ее вида сводило живот, как от пинка. Нельзя сказать, что Нэт относилась к нему *враждебно*, как другие ребята в школе, но она и не была с ним особо любезна, и это беспокоило его больше всего. Замечая, что Додж разговаривает с Хезер, Нэт обычно странно улыбалась, а когда ее взгляд скользил мимо него или даже сквозь него, он понимал, что она никогда в жизни не посмотрит в его сторону. На прошлогодней встрече выпускников она даже назвала его Дэйвом.

Он пришел туда в надежде ее увидеть. А потом, заметив ее в толпе, он пошел к ней, в эйфории от шума, жары и стопки виски, которую он выпил на парковке. Он собирался поговорить с ней, впервые поговорить *по-настоящему*. Но в тот момент, когда он протянул руку, чтобы дотронуться до ее локтя, Нэт шагнула назад, наступив ему на ногу.

«Ой! Извини, Дэйв», – сказала она, хихикая. От нее пахло ванилью и водкой. У Доджа внутри все перевернулось, а сердце ушло в пятки.

Из ста пятидесяти учеников в их выпускном классе было всего сто семь человек, которые учились в школе Карп с девятого класса. А она даже не знала, как его зовут.

Поэтому он стоял на прежнем месте, пиная землю носками ботинок и ожидая свистка, возвещающего начало игры.

Он обязательно выиграет Панику.

Он сделает это для Дэйны.

Это будет его месть.

Хезер

«Раз, два, три, проверка», – Диггин проверял мегафон.

Старый карьер в стороне от Уиппурвиль Роуд, пустовавший с конца 1800-х, в пятидесятих наполнили водой, сделав его местом для купания. С южной стороны располагался пляж – этот небольшой отрезок песка и камней якобы закрывался на ночь, но мало кто бывал там днем. Он представлял собой свалку из сигаретных окурков, смятых пивных банок, пустых пакетиков от травки и иногда, что было просто отвратительно, там валялись презервативы, безвольно разбросанные по земле и напоминающие трубчатые медузы. Сегодня в карьере было не протолкнуться – все пришли с одеялами и пляжными стульями, в воздухе пахнет средством от комаров и выпивкой.

Хезер закрыла глаза и вдохнула воздух. Пахло Паникой. Пахло *летом*. У кромки воды неожиданно заиграли цвета и музыка, раздался смех. Фейерверки. В быстрых вспышках красного и зеленого света Хезер увидела, как Кейтлин Фрост и Шэйна Лэмберт смеются, согнувшись пополам, пока Патрик Калберт пытается поджечь еще несколько ракет.

Хезер ушла с церемонии выпускного, поскольку ее мама Криста не собиралась приходить, и не было смысла притворяться, что эти четыре года учебы доставили ей удовольствие. Странно. Это было только вчера. Но ей почему-то казалось, что со времен школы прошли долгие годы. Будто эти четыре года были долгим однообразным сном. Возможно, думала она, это потому, что люди никогда не меняются. Все дни просто смешались в один, который останется в прошлом.

В Карпе не случалось ничего интересного. Ничего удивительного.

Голос Диггина эхом разносился по толпе: «Дамы и господа, у меня есть объявление – школа закрыта на лето».

Все зааплодировали. Петарды взрывались: *хлоп-хлоп-хлоп*. Все выпускники находились посреди леса, на расстоянии пяти миль от ближайшего дома, поэтому можно было шуметь и кричать сколько угодно.

Никто бы не услышал их, как бы громко они ни кричали.

У Хезер свело живот. Ну вот, начинается. Она знала, что Нэт переживает. Она знала, что нужно сказать ей что-то ободряющее – они с Бишопом пришли, чтобы морально поддержать Натали. Бишоп даже сделал плакат: «Вперед, Нэт». Рядом с этой надписью он нарисовал большую фигуру человечка, стоящего на куче денег. Человечек олицетворял собой Натали – на нем была розовая толстовка.

«А почему ты нарисовал ее без штанов?» – спросила Хезер. «Может, она потеряла их во время Прыжка», – ответил Бишоп. Улыбаясь, он повернулся к Нэт. Когда он так улыбался, его коричневые глаза становились медового цвета. «Я никогда не умел рисовать».

Хезер не любила говорить о Мэтте в присутствии Бишопа. Всякий раз, когда она поднимала эту тему, он закатывал глаза так, будто она только что переключила на радиоволну с плохой поп-музыкой. Она терпеть не могла, когда он так делал. Но в итоге она не выдержала.

– Его по-прежнему нет. – она говорила тихо, чтобы ее слышала только Нэт. – Извини, Нэт, я знаю, что сейчас не время говорить об этом – мы пришли сюда, чтобы поддержать тебя...

– Все нормально. – Нэт подошла к Хезер и сжала ее руки в своих. Она выглядела так странно, будто ее заставили залпом выпить лайма¹. – Послушай, Мэтт тебя не заслуживает. Ясно? Ты достойна лучшего.

Хезер почти засмеялась.

– Ты моя лучшая подруга, Нэт, – сказала она. – Ты не должна мне лгать.

Нэт покачала головой:

– Я уверена, что скоро он будет здесь. Игра вот-вот начнется.

Хезер снова посмотрела в телефон. Уже в сотый раз. Но там не было ничего. Она несколько раз выключала и включала его снова, чтобы убедиться, что он работает.

Снова раздался голос Диггина:

– Правила Паники просты. Участвовать может любой желающий. Но выиграет только один.

Диггин огласил сумму приза.

Шестьдесят семь тысяч долларов.

Хезер будто ударили в живот. Шестьдесят семь тысяч долларов. Наверняка это самая большая сумма за всю историю Паники. Толпа загудела, как электрический импульс, передавая друг другу сумму приза. *Черт, надо быть идиотом, чтобы не сыграть.* Нэт выглядела так, будто только что съела большую ложку мороженого.

Диггин продолжил, не обращая внимания на шум. Он огласил правила – все шесть этапов проходят в течение всего лета в условиях строжайшей конфиденциальности; участники исключаются после каждого раунда; индивидуальные испытания для каждого участника, прошедшего в полуфинал. Но никто не слушал Диггина – каждый год была одна и та же речь. Хезер смотрела Панику с восьмого класса, так что она могла бы и сама рассказать все правила.

От суммы приза у нее сжалось сердце. Она невольно подумала о том, что можно было бы сделать с этими деньгами – куда бы она могла поехать, что могла бы купить, как долго она могла бы жить на них. Как далеко она могла бы уехать из Карпа.

Но нет. Она не могла оставить Мэтта. Он говорил, что любит ее. У нее были на него планы. Сердце немного отпустило, и она снова смогла дышать.

Натали, стоявшая рядом с Хезер, сбросила с себя джинсовые шорты и туфли.

– Можешь в это поверить? – спросила она. Она сняла футболку, подрагивая от ветра. Хезер не могла поверить, что Нэт все-таки надела этот нелепый купальник, который слетит с нее, как только она коснется воды. Натали только засмеялась. Она шутила, что это может помочь ей заработать дополнительные баллы.

В этом была вся Натали – упрямая и самовлюбленная. Хезер до сих пор не могла понять, почему она вообще решила участвовать в Панике. Нэт боялась абсолютно всего.

Кто-то (по-видимому, Билли Уоллас) присвистнул:

– Симпатичная попка, Велец.

Нэт не обратила на него внимания, но Хезер знала, что ее подруга все слышала и только сделала вид, что ей все равно. Хезер задумалась о том, что бы сказал Билли Уоллас, если бы она напялила что-то подобное. Ничего себе! Ну и размерчик у тебя! Разве тебе не нужно особое разрешение, чтобы носить такие большие штуки?

А вот Мэтт любил ее. Он считал ее красивой.

¹ Напиток, состоящий из воды и сока лайма, напоминающий лимонад.

Шум на пляже усилился и перерос в рев – люди кричали и улюлюкали, размахивая самодельными плакатами и флагами. Взрывы фейерверков напоминали выстрелы из пистолета. Хезер поняла, что время пришло. Сейчас раздастся свисток.

Паника вот-вот начнется.

В тот момент Хезер увидела его. Толпа на какое-то время расступилась, и она увидела, как Мэтт улыбается, разговаривая с кем-то. Затем толпа снова смешалась, и Хезер упустила его из виду.

– Он здесь. Нэт, он *здесь*.

– Что? – Нэт уже было не до этого.

У Хезер пересохло в горле. Толпа снова расступилась, и она пошла в сторону Мэтта, будто ее тянуло туда магнитом. Хезер успокоилась, думая о том, что это – ее шанс исправить все раз и навсегда. В этот самый момент она увидела, что Мэтт болтает с Делайной О’Брин.

Не просто болтает – шепчется.

А потом – целует ее.

В наступившей тишине раздался пронзительный свисток, напоминающий крик какой-нибудь необычной птицы.

Хезер добралась до вершины хребта, когда Дерек Клиг, разбежавшись, с криком бросился в воду. Спустя несколько секунд раздался аплодисменты – он долетел до воды.

Натали сидела на корточках в нескольких футах от края хребта. Ее лицо было бледным. На секунду Хезер показалось, что она слышит, как Нэт считает. Затем она повернулась и моргнула несколько раз, будто пытаясь сфокусировать взгляд на лице Хезер. Она открыла и тут же закрыла рот.

Сердце Хезер билось очень сильно.

– Привет, Нэт, – начала она, когда Натали выпрямилась.

– Какого черта ты делаешь? – Натали сплюнула.

Теперь Хезер заметила все сразу – боль в руках, бедрах, пальцах. Резкие порывы ветра. Натали была в бешенстве. Ее трясло. Хотя это могло быть и из-за холода.

– Я собираюсь прыгнуть, – ответила Хезер. Только произнесла это, она поняла, насколько глупо это звучало и насколько глупо это *было*. Внезапно ей показалось, что ее стошнит.

«Я буду болеть за тебя», – говорила она Натали. Теперь она чувствовала свою вину. И тошноту. Но голос Мэтта перекрывал все. Она вспомнила его голос, пятна от воды над своей кроватью, приглушенную музыку, доносящуюся из парка, запах травки и сигарет, смех, а потом чей-то крик: «Ты гребанный кусок...»

– Ты не можешь прыгать, – сказала Нэт, по-прежнему таращась на Хезер. – Я собираюсь прыгнуть.

– Прыгнем вместе, – ответила Хезер.

Натали сделала два шага вперед. Хезер заметила, что она ритмично сжимает и разжимает кулаки. Сожмет – разожмет, сожмет – разожмет. И так по три раза.

– Зачем тебе это нужно? – спросила Натали почти шепотом.

Хезер не могла ей ответить – она сама не знала зачем. Но она знала, что это ее последний шанс.

Поэтому она просто сказала:

– Я прыгну сейчас, пока не передумала.

Когда Хезер повернулась к воде, Натали подошла к ней, будто бы желая оттащить ее назад. Но она этого не сделала.

Хезер казалось, будто скала под ней начала двигаться, брыкаясь, как лошадь. Вдруг она испугалась, что потеряет равновесие и, споткнувшись, упадет, разбив голову на мелководе.

Паника.

Она сделала несколько маленьких нерешительных шагов вперед, но все равно слишком быстро оказалась на краю.

– Назови себя! – раздался крик Диггина.

Вода внизу Хезер, черная, как нефть, кишела телами. Она хотела крикнуть вниз: «*Отойдите, отойдите, я вас задену*», – но не смогла сказать ни слова. Она едва могла дышать. Ее легкие будто были зажаты между двумя камнями.

Почему-то она не смогла подумать ни о чем, кроме Криса Хайнца, который пять лет назад выпил перед прыжком почти литр водки и потерял равновесие. Его голова ударилась о скалу со звуком, напоминающим треск, с которым разбивается яйцо. Она помнила, как все побежали туда через лес, помнила его переломанное безвольное тело, наполовину погруженное в воду.

– Назови свое имя! – напомнил Диггин, и толпа подхватила: «Имя, имя, имя».

– Хезер, – прохрипела она. – Хезер Нилл. – Её голос дрогнул от ветра.

Толпа по-прежнему скандировала: «Имя, имя, имя, имя», – а затем: «Прыгай, прыгай, прыгай, прыгай».

Внутри у нее все застыло и покрылось льдом. Ее немного подташнивало. Она сделала глубокий вдох. Закрыла глаза.

И прыгнула.

25 июня, суббота

Хезер

Хезер как-то прочитала в Интернете статью о том, что время является относительной величиной, которая движется быстрее или медленнее, в зависимости от того, где ты и что ты делаешь. Но она никак не могла понять, почему оно всегда замедлялось в какие-нибудь особенно неприятные моменты, например, на уроке математики, в кресле дантиста, и ускорялось всякий раз, когда ты пытался замедлить его. Например, когда ты решал контрольную или отмечал свой день рождения.

Или когда ты чего-то боялся. Например, как сейчас.

И почему время так неправильно в своей относительности?

Она никогда ни о чем не сожалела так сильно, как о решении принять участие в игре. Все последующие дни ей казалось, что она сделала это в состоянии помешательства. Может, она надышалась перегаром на пляже? Или она временно потеряла рассудок, увидев Мэтта с Делайной? Именно так все и было. На этом и строятся все аргументы адвокатов, защищающих людей, которые, тронувшись умом, топором разрубали на кусочки своих бывших супругов.

Но Хезер была слишком гордая, чтобы отступить теперь. Дата первого официального испытания приближалась. Несмотря на то, что из-за разрыва с Мэттом она предпочитала прятаться ото всех, и несмотря на то, что она старалась избегать всех, кто знает ее хотя бы отдаленно, новости дошли и до нее – дата испытания была намалевана краской на водонепорной башне. Суббота. На закате.

Сообщение и одновременно приглашение для всех игроков.

Мэтт ушел. Школа закончилась. Не то чтобы Хезер любила школу, но все же. Школа была поводом выйти из дома, там было чем заняться. Теперь со всем было покончено. Ей подумалось, что такова вся ее жизнь – бесконечная и пустая. Как монета, падающая в бездонный колодезь.

Она двигалась по возможности медленно, проводя вечера, свернувшись на диване за просмотром телевизора со своей сестрой Лили. Ее телефон был выключен, не считая того времени, когда она с одержимостью проверяла, не звонил ли Мэтт. Она не хотела общаться с Бишопом, который стал бы читать ей нотации о том, что Мэтт – полный придурок, а Нэт на протяжении трех дней держалась холодно, пока наконец не поняла, что Хезер уже не та безумно влюбленная девушка.

Время мчалось, как будто жизнь включила опцию быстрой перемотки вперед.

Наконец, настала суббота, и испытания было не избежать.

Ей даже не пришлось задумываться о том, под каким предлогом улизнуть из дома. Ранее этим же вечером ее мама и отчим Бо ушли в какой-то бар в Анкrame, а это означало, что они приползут домой не раньше утра или, может, даже днем в воскресенье – со стеклянными глазами, провонявшие дымом, голодные и в плохом настроении.

Хезер сделала для Лили сэндвич с сыром, который она съела перед телевизором, съела в угрюмой тишине. Волосы Лили были зачесаны на прямой пробор и убраны в тугой хвост на затылке. В последнее время она всегда ходила с такой прической, что делало ее похожей на старуху, застрявшую в теле одиннадцатилетней девочки.

Лили объявила сестре бойкот. Хезер даже не знала причину, но у нее не было сил, чтобы переживать об этом. Лили всегда такая – сначала злится, а уже в следующую секунду

улыбается. Но в последнее время она стала не только более сердитой, но и более серьезной, тихой, очень избирательной в выборе одежды и прически, стала реже смеяться, пока не выпьет молока, и гораздо реже просит Хезер рассказать историю перед сном. Хезер решила, что так проявлялось взросление Лили. В Карпе не было особых поводов для улыбок. А в трейлерном парке² «Свежие Сосны» – и подавно.

И все же Хезер переживала по этому поводу. Она скучала по прежней Лили – по ее липким от газировки рукам, по запаху ее жвачки, по вечно не расчесанным волосам и вечно запачканным очкам. Она скучала по ее большим глазам и по тому, как Лили ворочалась в темноте и шептала: «Расскажи мне историю, Хезер».

Но Хезер считала, что это – естественный ход вещей. Эволюция.

В полвосьмого вечера от Бишопа пришло сообщение – он в пути. Лили ушла в их сестрой Угол. Именно это место Хезер называла их спальней – узкая, тесная комната с двумя кроватями, прижатыми друг к другу почти вплоты; с комодом без одной ножки, который жутко скрипел, когда его открывали; с оббитой лампой; с тумбочкой, заляпанной пятнами от лака для ногтей; с горами разброшенной повсюду одежды.

Лили лежала в темноте, натянув одеяло до подбородка. Хезер решила, что она спит, и уже хотела закрыть дверь, когда Лили повернулась к ней, сев и опершись на один локоть. В свете луны, проходящем сквозь грязное окно, ее глаза были похожи на отполированные шарики.

– Куда ты идешь? – спросила она.

Хезер обошла гору из джинсов, толстовок, нижнего белья и свернутых в шарики носков и села на кровать Лили. Она была рада, что Лили не спала и что она наконец решила заговорить с ней.

– За мной заедут Бишоп и Нэт, – сказала Хезер, уходя от ответа. – Мы собираемся немного потусить, погулять.

Лили снова легла, забившись под одеяло. Какое-то время она молчала, а затем спросила:

– А ты вернешься?

Хезер почувствовала тяжесть в груди. Она наклонилась, чтобы положить руку на голову Лили, но та отпрянула.

– Почему ты спрашиваешь, малышка?

Лили не ответила. Какое-то время Хезер сидела рядом с ней в темноте, ее сердце сильно билось в груди. Она чувствовала себя беспомощной и одинокой. Вскоре Лили засопела, и Хезер поняла, что та уснула. Она наклонилась и поцеловала ее в лоб. Он был горячим и влажным. Хезер захотелось забраться к сестре под одеяло, разбудить ее и извиниться за все – за муравьев на кухне и пятна воды на потолке, за запах дыма и за крики на улице, за их маму Кристу и за их отчима Бо, и за их жалкую и никчемную жизнь.

Но с улицы послышался негромкий гудок, и Хезер ушла из комнаты, закрыв за собой дверь.

Хезер всегда узнавала Бишоп по звукам, которые издавали его машины. Его отец когда-то владел гаражом, поэтому Бишоп был помешан на тачках. У него были золотые руки. Несколько лет назад он сделал для Хезер розу с лепестками из меди, стеблем из стали и шипами – из маленьких винтиков. Бишоп вечно возился с ржавыми кусками металла, которые он доставал черт знает где. Его последней находкой был «Бьюик Ле Сабре», двигатель которого издавал звуки, напоминающие старика, который свободно выдыхает, застегнув ремень.

² Населённый пункт, место постоянного проживания, жилой фонд которого сформирован из передвижных домов – трейлеров.

Хезер взяла с собой дробовик. Натали сидела сзади. Странно, но Нэт всегда любила сидеть прямо посередине, даже если в машине не было других пассажиров, кроме нее. Она объясняла это тем, что ей не нравилось выбирать правую или левую сторону, потому что ей казалось, что тем самым она делает ставку на свою собственную жизнь. Хезер тысячу раз объясняла ей, что гораздо опаснее сидеть посередине, но Натали не слушала.

– Поверить не могу, что вы втянули меня в это, – сказал Бишоп, как только Хезер села в машину. Шел дождь – такой дождь, который не падал, а просто появлялся, будто бы выливаясь из огромного рта. Ни зонт, ни плащ не могли от него спасти – он лил со всех сторон сразу, заливаясь за воротник и в рукава, стекая затем по спине.

– Перестань. – Она затянула покрепче свою кофту с капюшоном. – Хватит этих лицемерных разглагольствований. Ты сам всегда смотрел Панику.

– Да, но это было до того, как две мои лучшие подруги совсем слетели с катушек и решили в ней участвовать.

– Мы поняли тебя, Бишоп, – ответила Натали. – Включи музыку, а?

– Это невозможно, миледи. – Бишоп дотянулся до подстаканника и протянул Хезер фруктовый снег³. Синий. Ее любимый. Она сделала глоток и почувствовала в голове приятный холод. – Радио сломано. Нужно заняться проводкой...

Нэт прервала его, преувеличенно вздохнув:

– Только не *это*.

– Что поделать? Я люблю все ремонтировать.

Он похлопал руль, ускоряясь на шоссе. Будто в ответ, «Бьюик» издал пронзительный вой в знак протеста, за которым последовало несколько сильных ударов и страшное бряцание, как будто двигатель разваливался на части.

– А я уверена, что эта любовь *не* взаимная, – ответила Нэт. Хезер засмеялась, немного успокоившись.

Бишоп свернул с шоссе и въехал на узкую грунтовую дорогу с односторонним движением, которая вела к задворкам парка. Таблички «Посторонним вход воспрещен» мерцали в тумане фар. На парковке стояло уже несколько десятков машин, большинство из которых были припаркованы по возможности близко к лесу. Некоторых из них было практически не видно под ветками.

Хезер сразу заметила машину Мэтта – старый подержанный джип, который он унаследовал от дяди. Его задний бампер был облеплен полуободранными наклейками. Мэтт отчаянно пытался выключить зажигание, будто он застрял в огромной паутине, сдав немного назад.

Хезер вспомнила их первую совместную поездку – они поехали отпраздновать его права, которые он наконец получил после трех заваленных экзаменов в автошколе. Он тормозил и двигался с места так резко, что Хезер боялась, как бы ее не стошнило купленными им же пончиками. Но Мэтт был так счастлив, и Хезер была счастлива вместе с ним.

Всю неделю она отчаянно надеялась увидеть его и одновременно молилась, чтобы никогда не видеть его больше.

Если Делайна здесь, то Хезер и правда стошнит. Не стоило пить фруктовый снег.

– Ты в порядке? – тихо спросил ее Бишоп, когда они вышли из машины. Он всегда очень хорошо ее понимал. Она одновременно любила и ненавидела эту его способность.

– Все отлично, – ответила она слишком резко.

– Почему ты это сделала, Хезер? – спросил он, потянув ее за локоть, чтобы остановить. – Почему, по правде, ты это сделала?

³ Slurpee – полумороженные прохладительные напитки, являющиеся собственной торговой маркой крупнейшей сети небольших магазинов 7-Eleven.

Хезер заметила, что на нем была та же одежда, что и в последний раз, когда они виделись на пляже, – выцветшая голубая футболка, джинсы, которые были настолько длинные, что подгибались под подошвы его кедов. Почему-то ее это раздражало. Его грязные светлые волосы торчали в разные стороны из-под его древней бейсболки. От него вкусно пахло, но это был специфический запах, напоминающий запах ящика, наполненного старыми монетами и драже «Тик-Так».

Какое-то мгновение она подумывала о том, чтобы рассказать ему правду – что, когда Мэтт бросил ее, она впервые поняла, что ничего из себя не представляет.

Но Бишоп все испортил.

– Только не говори, что это из-за Мэттью Хэпли, – сказал он.

И вот опять – закатил глаза.

– Перестань, Бишоп. – Она чуть было не ударила его. У нее в горле встал ком, стоило ей только услышать одно только имя Мэтта.

– Тогда объясни мне. Ты миллион раз говорила, что Паника – это глупость.

– Нэт ведь тоже участвует. Почему ты не читаешь нотации ей?

– Нэт – дурочка, – ответил Бишоп. Он снял свою бейсболку и потер голову, от чего его волосы тут же выпрямились, будто они были наэлектризованы. Бишоп утверждал, что в его электромагнитных волосах заключается его суперсила. А единственная суперсила Хезер, похоже, заключалась в том, что каким-то удивительным образом на ее лице всегда был один покрасневший прыщ.

– Она одна из твоих лучших подруг, – отметила Хезер.

– И что с того? Это не отменяет факта, что она дурочка. Я веду открытую политику по отношению к своим подругам-дурочкам.

Хезер не могла не засмеяться. Бишоп улыбнулся тоже – так широко, что небольшая кривизна его двух передних зубов стала заметна.

Бишоп снова напялил бейсболку, закрывая свою кошмарную прическу. Среди всех парней, которых знала Хезер, он был одним из немногих, кто выше ее ростом. Даже Мэтт был одного с ней роста – пять футов одиннадцать дюймов. Иногда ей это нравилось, иногда она обижалась на него из-за этого, как будто он пытался этим что-то доказать. До двенадцати лет они были одного роста, вплоть до сантиметра. В подтверждение этому факту на стене в комнате Бишопы были старые, сделанные карандашом отметки с обозначением их роста.

– Я болею за тебя, Нилл, – сказал он тихо. – Хочу, чтоб ты это знала. Я не хочу, чтобы ты играла в Панику, это абсолютно идиотская затея. Но я ставлю на тебя. – Он положил руку на ее плечо и слегка сжал его. Что-то в его голосе напомнило ей о том, что когда-то давно, казалось, тысячу лет назад, она была по уши в него влюблена.

В первый год старшей школы у них был один неловкий поцелуй на заднем ряду в кинокомплексе Гудзон, случившийся, несмотря на попкорн, застрявший в зубах Хезер. Следующие два дня они свободно держались за руки, внезапно обнаружив, что им не о чем разговаривать, несмотря на то, что они дружили с начальной школы. А потом Бишоп порвал с ней, и Хезер сказала, что все понимает. Хотя на самом деле нет.

Она не знала, что заставило ее вспомнить об этом. Теперь она не могла даже представить, чтобы ей нравился Бишоп. Он был для нее как брат – раздражающий брат, который считал своим долгом указать на ее прыщ. Который у нее был. Всегда. Но только один.

Сквозь деревья уже доносилась приглушенная музыка и треск голоса Диггина, усиленный мегафоном. Водонапорные вышки, исписанные граффити, за которыми едва виднелась надпись «Округ Колумбия», были ярко подсвечены снизу. Из-за своих тонких ножек они были похожи на насекомых-переростков.

Нет, скорее на *одного* насекомого с двумя закругленными стальными конечностями. Даже с большого расстояния Хезер видела узкую деревянную доску, установленную между ними на высоте пятидесяти футов.

На этот раз суть испытания была ясна.

Когда Хезер, Нэт и Бишоп добрались до башен, где собралась толпа, лицо Хезер блесло. Как всегда, вокруг царила праздничная атмосфера – толпа была возбуждена и беспокойна, хотя все говорили шепотом. Кому-то удалось завести в лес грузовик. Прожектор, подключенный к его двигателю, подсвечивал башни и деревянную доску между ними. В его свете была видна дождевая дымка. Время от времени зажигались сигареты, а по радио из грузовика спокойно гроыхала старая рок-песня под ритм разговоров. Сегодня нужно было быть потише – они были недалеко от шоссе.

– Обещаешь, что не бросишь меня? – спросила Нэт. Хезер была рада это слышать – несмотря на то, что все эти люди были ее одноклассниками, которых она давно знала, она вдруг испугалась потеряться в толпе.

– Конечно, – ответила Хезер. Она старалась не смотреть вверх и вдруг поняла, что бессознательно высматривает в толпе Мэтта. Она разглядела компанию второкурсниц, которые стояли неподалеку и хихикали, а также Шейну Лэмберт, завернутую в одеяло и держащую в руках термос с чем-то горячим. Она выглядела так, будто пришла на футбольный матч.

Хезер была удивлена, увидев Вивьен Травин, которая стояла одна, отдельно от толпы. Ее волосы были закручены в дреды, а ее многочисленный пирсинг смутно блестел в лунном свете. Хезер не видела Вив ни на одном мероприятии – единственное, чем она занималась, так это прогуливала школу и работала официанткой у Дот. По какой-то причине появление Вив заставило Хезер волноваться еще больше.

– Бишоп!

Эйвери Уоллас пробралась через толпу и тут же кинулась в объятия Бишопу, как будто он только что спас ее от ужасной катастрофы. Хезер отвернулась, когда Бишоп наклонился, чтобы поцеловать ее. Рост Эйвери был всего пять футов один дюйм, и рядом с ней Хезер чувствовала себя как зеленый великан, нарисованный на банке с кукурузой⁴.

– Я по тебе скучала, – сказала Эйвери, когда Бишоп отстранился. Она даже не заметила Хезер. Как-то раз Эйвери невольно услышала, что та назвала ее «креветкой», и она до сих пор не простила ей этого. Однако Эйвери и вправду напоминала креветку – коренастая и розовощекая, так что Хезер не ощущала своей вины из-за этого.

Бишоп пробормотал что-то в ответ. Хезер снова стало подташнивать. И снова она вспомнила о своем разбитом сердце. Нужно издать такой закон, по которому всем запрещается быть счастливыми, когда ты несчастен, – особенно твоим лучшим друзьям.

Эйвери хихикнула и сжала руку Бишопу:

– Я только схожу за пивом, хорошо? Подожди меня здесь, я скоро вернусь. – Она повернулась и исчезла в толпе.

Бишоп тут же поднял брови и сказал Хезер:

– Лучше молчи.

– А что такое? – Хезер подняла руки.

Бишоп ткнул пальцем ей в лицо.

– Я знаю, что ты думаешь, – сказал он, а затем указал на Нэт: – Это и тебя касается.

Нэт придала себе самый невинный вид:

– Ты несправедлив ко мне, Маркс. Я просто думала о том, что из нее получается прекрасный аксессуар – такой маленький и удобный.

– Идеально помещается в карман, – поддакнула Хезер.

⁴ Бренд замороженных и консервированных овощей.

– Все, все, – Бишоп старался выглядеть сердитым, – хватит.

– Это комплимент, – возразила Нэт.

– Я сказал, хватит. – Но уже через минуту Бишоп наклонился и прошептал: – Понимаете, я не могу носить ее в кармане. Она кусается. – Его губы коснулись уха Хезер – она была уверена, что случайно, – и она засмеялась.

Ее напряженность немного спала. Но затем кто-то выключил музыку, и толпа стала спокойной и очень тихой. Хезер знала, что сейчас все начнется. Ни с того ни с сего ей стало очень холодно, будто все капли дождя затвердели на ее коже.

– Добро пожаловать на следующее испытание! – прогремел Диггин.

– Отсоси, Роджерс, – крикнул какой-то парень, и кое-где раздалось улюлюканье и смех.

Кто-то сказал:

– Тихо.

Диггин сделал вид, что ничего не слышал:

– Это испытание на храбрость и умение держать равновесие.

– И на трезвость!

– Блин, тогда я точно упаду.

Народ засмеялся еще больше. Но Хезер даже не смогла улыбнуться. Натали, стоявшая рядом с ней, вертелась туда-сюда, похлопывая себя по бедрам. Хезер даже не могла спросить, что она делает.

Диггин с трудом продолжал:

– Это также проверка скорости. И поскольку все участники будут ограничены во времени...

– Черт, да заканчивай уже!

Наконец, Диггин отступил и убрал мегафон ото рта.

– Заткни пасть, Ли.

Это вызвало новую волну смеха. Но для Хезер все происходящее казалось фильмом, в котором звук отстает на несколько секунд. Теперь она не могла не смотреть вверх – на ту перекладину, на те несколько дюймов дерева, протянутые на высоте пятидесяти футов над землей. Прыжок был традицией, совершаемый больше для удовольствия. Погружение в воду. Но теперь речь шла о погружении в твердую, плотную землю. Нет никаких шансов, чтобы выжить.

Произошла небольшая заминка, когда двигатель грузовика заглох и все потемнело. Раздались недовольные крики, а когда через несколько секунд двигатель снова завелся, Хезер увидела Мэтта – он стоял в свете фар и смеялся, держа одну руку в заднем кармане джинсов Делайны.

Внутри у Хезер все перевернулось. Странно, но именно то, что он держал ее за задницу, взбесило ее больше, чем когда она просто видела их вместе. Мэтт не только никогда не вел себя так с Хезер, но и все время жаловался, что нужно пристрелить все парочки, которые так стоят.

Возможно, он считал ее недостаточно привлекательной.

Возможно, он стеснялся ее.

Возможно, тогда он просто лгал, чтобы не обидеть ее.

Она ужаснулась от этой мысли. Если она не знала Мэтта Хепли – парня, который когда-то аплодировал тому, как она отрыжкой произнесла алфавит, который когда-то заметил на ее белых шортах небольшие пятнышки менструальной крови и не только не раздул из этого проблему, но и притворился, что ему это не противно, – то она не могла даже надеяться, что знает хоть кого-нибудь из всех этих людей и их возможности.

Вдруг она поняла, что вокруг стало очень тихо, смех и разговоры затихли, как будто все одновременно задержали дыхание. Хезер увидела, что Ким Холлистер медленно про-

двигается по перекладине, высоко над их головами. Ее лицо побелело от ужаса. Испытание началось.

Ким понадобилось сорок семь секунд, чтобы пройти по перекладине. Она шла шаркая, стараясь, чтобы правая нога была перед левой. Добравшись до второй водонапорной башни, она сразу же обняла ее обеими руками, и толпа выдохнула.

Затем пошел Феликс Харт – он пришел гораздо быстрее, продвигаясь короткими отрывистыми шажками, как канатоходец. Потом Мерл Трейси. Не успел он добраться до второй башни, как Диггин поднял мегафон и протрубил следующее имя:

– Хезер Нилл! Хезер Нилл, твоя очередь!

– Удачи, шоколадка⁵, – сказала Натали. – Не смотри вниз.

– Спасибо, – на автомате ответила Хезер, хотя она и считала этот совет нелепым. Когда ты находишься на высоте пятидесяти футов, куда еще можно смотреть, если не вниз?

Ей казалось, что она идет в тишине, хотя она и знала, что это маловероятно – Диггин никак не мог оторваться от своего дурацкого мегафона. Но ощущения были именно такими, потому что она была напугана. И тем не менее она по-прежнему думала о Мэтте, что было глупо и жалко. Интересно, он смотрел на нее сейчас, по-прежнему держа руку в джинсах Делайны?

Когда Хезер начала подниматься по лестнице, ведущей на одну из башен, ее пальцы замерзли от холодного гладкого металла. Она вдруг поняла, что Мэтт будет пялиться на ее задницу, держа при этом задницу Делайны, и это было отвратительно.

Затем она поняла, что на ее зад смогут пялиться все, из-за чего ее на мгновение охватила паника – не просвечивает ли ее белье сквозь джинсы? Она терпеть не могла стринги и не понимала девушек, которые их носят.

Она уже прошла половину ступенек, когда поняла, что настолько переживает на счет своего белья, что ей просто не до того, чтобы бояться высоты. Наконец, она почувствовала себя более уверенно.

Но дождь все усложнял. Из-за него ее пальцы скользили по лестничным ступенькам. Когда она наконец добралась до небольшого металлического выступа, проходящего вдоль резервуара с водой, ее страхи вернулись. Ухватиться было не за что – ничего, кроме гладкого влажного металла. И воздуха. Расстояние от жизни до смерти – какие-то несколько дюймов.

От стопы до колена прошло покалывание, а потом поднялось до ладоней, и на какое-то мгновение Хезер испугалась не падения, а самого прыжка – скачка в темную пустоту.

Боком она прошла к деревянной перекладине, изо всех сил прижимаясь к резервуару с водой и молясь о том, чтобы снизу не было заметно, как она испугана.

Всхлипы и нерешительность – все будет засчитано не в ее пользу.

– Время! – голос Диггина прогремел снизу. Хезер знала, что нужно идти вперед, если она хочет остаться в игре.

Она заставила себя отойти от резервуара и прошла немного вперед к деревянной перекладине, которая еле-еле была прикреплена к выступу несколькими кривыми винтами. Хезер представила, как дерево с диким грохотом ломается под ее весом. Но перекладина выдержала.

Хезер неосознанно подняла руки, чтобы удержать равновесие. Она больше не думала о том, что Мэт, или Делайн, или Бишоп таращится на нее. Она не думала ни о чем, кроме как о разреженном воздухе, ужасном покалывании в ногах и сильном желании прыгнуть.

Она могла бы двигаться быстрее, если бы шла равномерно – один шаг за другим. Но она не могла не смотреть на доску – если она поднимет стопу, пятку или носок, она поте-

⁵ Heathbar – американский шоколадный батончик, сделанный из ириски, кофе и молочного шоколада. Созвучно с именем Хезер (Heather).

ряет равновесие, перекосившись на одну сторону, и умрет. Вокруг была настолько тяжелая и глубокая тишина, что Хезер был слышен шум дождя и свое собственное дыхание – поверхностное и прерывистое.

Снизу бил яркий свет – как в конце тоннеля перед смертью. Все люди слились в одну тень, и на какое-то мгновение Хезер испугалась, что она и *вправду* умерла и теперь в полном одиночестве стоит на крохотной обнаженной поверхности, а по обеим сторонам ее окружает бесконечная темнота.

Она продвигалась дюйм за дюймом, стараясь идти как можно быстрее, не поднимая при этом ноги.

А потом все закончилось – она добралась до второй башни и обняла резервуар, прижавшись к нему, как и Ким, позволяя своей толстовке промокнуть. Раздалось улюлюканье, продолжавшееся даже тогда, когда было объявлено следующее имя – Рэй Хэнрэхэн.

В голове у Хезер звенело, а во рту был металлический привкус. Все. Закончилось. Ее руки вдруг совсем обмякли, а мышцы с облегчением расслабились. Она неуклюже спустилась по лестнице, спрыгнув с последних ступенек, а затем немного споткнулась, прежде чем выпрямиться. К ней подбежали люди, хлопали ее по плечу и спине. Она даже не понимала, улыбалась она им или нет.

– Это было потрясающе! – Нэт подбежала к ней сквозь толпу. Хезер едва почувствовала, что Нэт ее обнимает. – Страшно было? Ты испугалась?

Хезер покачала головой, не забывая, что на нее по-прежнему смотрят зрители.

– Все прошло очень быстро, – ответила она. После этих слов ей сразу стало лучше. Все закончилось. Она стояла посреди толпы. В воздухе пахло влажной шерстью и сигаретным дымом. Он был плотный. Настоящий. Не разреженный, как наверху.

– Сорок две секунды, – гордо сказала Нэт. Хезер даже не слышала, как Диггин объявил ее время.

– А где Бишоп? – спросила Хезер. Теперь она начала приходить в себя – по телу прошла приятная бодрость. Сорок две секунды. Неплохо.

– Он был прямо позади меня... – Нэт повернулась, чтобы поискать его в толпе, но от света фар грузовика все люди превратились в силуэты, нарисованные темной кистью.

Снова прогремели радостные возгласы. Хезер посмотрела вверх и увидела, что Рэй уже прошел испытание. Голос Диггина прокатился глухим эхом:

– Двадцать две секунды! Пока что это рекорд!

Хезер проглотила горечь во рту. Она ненавидела Рэя Хэнрэхэна. В седьмом классе, когда ее грудь еще не сформировалась, он повесил на дверцу ее шкафчика подростковый лифчик нулевого размера и распространил слух о том, что она принимала гормональные лекарства, чтобы стать парнем. «У тебя уже растет борода?» – спрашивал Рэй всякий раз, встречая Хезер в коридоре. Он оставил ее в покое, только когда Бишоп пригрозил рассказать копам о том, что Люк Хэнрэхэн торгует травкой в кафе, где он работал. Он подкладывал в блюда пакетики с травой всякий раз, когда его постоянные клиенты просили «двойную порцию орегано»⁶.

Затем была очередь Зева Келлера. Хезер уже забыла о том, что собиралась найти Бишоп. Она с замиранием сердца наблюдала за тем, как Зев двигается по доске. Снизу, в безопасности, это смотрелось даже красиво – легкая дымка дождя, расправленные руки Зева и его черная фигура на фоне облаков. Рэй все еще не спустился вниз. Должно быть, он тоже наблюдал за Зевом, встав позади резервуара, так что его не было видно.

Все произошло в один миг – Зев дернулся в сторону, потерял равновесие и чуть не начал падать. Хезер услышала собственный крик. Ей казалось, что ее сердце выпрыгнет из

⁶ Ароматная приправа, которую традиционно добавляют в мексиканские и итальянские блюда.

груди, и в эту секунду, увидев Зева, дико размахивающего руками, с искривленным от крика ртом, она подумала, что *это изменит их всех*.

Но он смог удержаться. Он сумел поставить левую ногу обратно на доску, и его тело перестало раскачиваться из стороны в сторону, как маятник. Он выпрямился.

Кто-то выкрикнул его имя. А затем зазвучали аплодисменты, которые стали просто оглушительными, пока он, запинаясь, прошел оставшиеся несколько футов. Никто не слышал время, которое прокричал Диггин. Никто не обратил внимания на Рэя, спускавшегося по лестнице.

Но, как только Зев оказался на земле, он кинулся на Рэя. Зев был меньше и худее него, но это не помешало ему схватить Рэя сзади. Маневр был неожиданный, и в следующее мгновение Рэй уже лежал на земле, лицом в грязи.

– Ты, гребаный мудака! Ты что-то кинул в меня!

Зев занес кулак. Рэй извернулся, сбрасывая с себя Зева.

– Что ты несешь? – Рэй поднялся на ноги, и его лицо было освещено светом фар. Должно быть, он рассек губу о камень – у него шла кровь. Он выглядел злобно и угрожающе.

Зев тоже поднялся. Его глаза были дикие – черные, полные ненависти. Все стояли молча, словно застыли, и Хезер снова было слышно, как одновременно льются сотни тысяч капель дождя. Они висают в воздухе, готовые упасть.

– Не ври. – Зев сплюнул. – Ты попал мне в грудь. Ты хотел, чтобы я упал.

– Ты спятил, – ответил Рэй, отворачиваясь.

Зев набросился на него, и они оба снова оказались на земле. Толпа ринулась к ним, все кричали, некоторые расталкивали остальных, чтобы лучше видеть происходящее, некоторые пытались разнять парней. Хезер была зажата со всех сторон. Почувствовав на спине чью-то руку, она едва не упала. Инстинктивно она потянулась к руке Нэт.

– Хезер! – Лицо Натали было белое от ужаса. Их руки расцепились, и Нэт упала в кучу тел.

– Нэт! – Хезер пробиралась сквозь толпу, распахивая людей локтями. Теперь она была благодарна за свой большой рост. Нэт пыталась подняться, но, когда Хезер добралась до нее, закричала от боли.

– Моя лодыжка! – причитала Нэт, сжимая в ужасе ногу. – Кто-то наступил мне на лодыжку.

Хезер дернулась к ней, но снова почувствовала чью-то руку на своей спине – на этот раз это было специально и сильно. Она хотела обернуться, чтобы посмотреть, кто ее ударил, но, прежде чем успела что-то сообразить, она уже оказалась на земле, лицом в грязи. Люди месили ногами грязь, забрызгивая ее лицо. На какое-то мгновение Хезер задумалась, не является ли все это частью испытания.

Она заметила просвет в толпе – шанс выбраться.

– Вставай. – Она смогла подняться и взять Нэт под руку.

– Мне *больно*, – ответила Нэт сквозь слезы. Но Хезер удалось поднять ее на ноги.

Затем со стороны леса раздался громкий искаженный голос:

– Всем оставаться на своих местах!

Копы.

Повсюду была неразбериха. По толпе проходили лучи света, освещая белым застывшие от ужаса лица; люди бежали, толкаясь, чтобы выбраться из толпы и исчезнуть в лесу. Хезер насчитала четверых полицейских – один из них повалил кого-то на землю, но она не видела, кого именно. Во рту у нее пересохло, мысли спутались. Ее толстовка промокла от грязи, и холод начал подбираться к груди.

Бишоп уехал. На машине.

Машина. Им нужно выбраться отсюда. Или спрятаться.

Хезер пыталась подтолкнуть Натали вперед, не отпуская ее руки, но та остановилась. На ее глаза навернулись слезы.

– Я не могу, – сказала она.

– Ты должна. – Хезер была в отчаянии. Куда, черт возьми, делся Бишоп? Она наклонилась, чтобы обхватить Нэт за талию. – Обопрись на меня.

– Я не могу, – повторила Натали. – мне очень больно.

Откуда ни возьмись, появился Додж Мейсон. Он внезапно возник рядом с ними и тут же обхватил Натали за талию, не спрашивая на то разрешения. Так они могли вдвоем вести ее. Нэт слегка вскрикнула от удивления, но не стала сопротивляться. В тот момент Хезер была готова расцеловать его за это.

– Пойдем, – сказал он.

Спотыкаясь, они пошли в лес, стараясь двигаться как можно быстрее, отдаляясь от ревуших в мегафон голосов и света. Было темно. Додж подсвечивал дорогу телефоном – мокрые листья, влажные папоротники и покрытые мхом деревья освещались тусклым голубым светом.

– Куда мы идем? – спросила Хезер шепотом. Ее сердце колотилось. Нэт почти не могла наступать на левую ногу, поэтому она сильно опиралась на Хезер при каждом шаге.

– Нужно подождать, пока копы не уберутся отсюда, – ответил Додж. Он запыхался.

На расстоянии нескольких футов за водонапорными башнями была небольшая насосная станция. Когда они остановились и Додж плечом толкнул дверь, Хезер услышала шум работающего внутри оборудования, проходящий сквозь стены. Было не заперто.

Внутри пахло плесенью и металлом. Единственная комната была занята двумя резервуарами и разными частями ржавого электрооборудования. Помещение было заполнено постоянным механическим треском, напоминающим стрекот тысячи сверчков. Криков из леса больше не было слышно.

– Черт... – Нэт тяжело выдохнула и села на пол. Морщась, она выпрямила свою левую ногу. – Как больно!

– Скорей всего, это растяжение, – сказал Додж. Он тоже сел на пол, но на расстоянии от нее.

– Могу поклясться, что кто-то наступил на меня. – Нэт наклонилась вперед и стала ощупывать кожу рядом с лодыжкой. Она сделала резкий вдох.

– Не трогай, Нэт, – сказала Хезер. – Мы приложим что-нибудь холодное, как только сможем.

Она замерзла и почувствовала внезапную усталость. Эйфория от пройденного испытания уже прошла. Хезер вся промокла и хотела есть. Меньшее, чего ей хотелось, – это сидеть внутри дурацкой насосной станции еще полночи. Она достала телефон и написала Бишопу: «Где ты?»

– Откуда ты знаешь об этом месте? – спросила Нэт Доджа.

– Просто как-то наткнулся. – ответил Додж. – Когда был скаутом. Не против, если я закурю?

– Против, – ответила Хезер.

Он убрал сигареты обратно в куртку. Его телефон лежал на полу, освещая его силуэт голубым светом.

– Спасибо тебе, – выдала Натали. – Спасибо, что помог мне. Это было так... В общем, ты не обязан был это делать.

– Нет проблем, – ответил Додж. Хезер не видела его лица, но его голос звучал так, будто он поперхнулся.

– Я хочу сказать, что мы раньше даже не разговаривали... – начала было Нэт, но затихла, видимо, решив, что это звучит грубо.

На минуту воцарилась тишина. Хезер отправила Бишопу второе сообщение: «Какого черта?»

Додж неожиданно возразил:

– Мы разговаривали. Один раз. На собрании перед матчем в прошлом году. Ты назвала меня Дэйвом.

– Да? – Нэт нервно хихикнула. – Вот дура! Наверное, я была пьяна. Помнишь, Хезер? Мы выпили те отвратительные стопки.

– Э-э-э-э... – Хезер по-прежнему стояла, опершись на дверь, слушая звуки дождя, который теперь барабанил немного сильнее. Она напрягла слух, чтобы услышать крики сквозь шум дождя. Ей не верилось, что Бишоп все еще не ответил на ее сообщение, – он всегда сразу же отвечал ей.

– Все равно я просто дурочка, – продолжала Нэт, – любой это подтвердит. Но я не могла так просто взять и забыть такое имя, как Додж. Жаль, у меня не такое клевое имя.

– Мне нравится твое имя, – тихо ответил Додж.

Хезер почувствовала резкую боль во всем теле. В голосе Доджа она услышала знакомое желание и пустоту. В тот момент она совершенно точно поняла, что Доджу нравится Натали.

На какой-то момент ее охватил приступ слепой зависти – это чувство окутало ее целиком. Ну конечно. Конечно, ему нравится Натали. Она красивая и веселая, невысокая и милая – как небольшое животное, которое помещается в сумочку. Как Эйвери.

Такие ассоциации возникли неожиданно, но Хезер быстро отогнала от себя эти мысли. Ей не было дела ни до Эйвери, ни до чувств Доджа к Натали. Это ее не касалось.

Тем не менее одна мысль, как бесконечный грохот дождя, по-прежнему стучала в ее голове: ее никто никогда не полюбит.

– Как думаешь, сколько нам придется ждать? – спросила Нэт.

– Не слишком долго, – ответил Додж.

Несколько минут они сидели молча. Хезер знала, что нужно завязать разговор, но она слишком устала.

– Не было бы тут так темно, – спустя несколько минут произнесла Нэт, задвигавшись. По ее голосу Хезер поняла, что Натали начала терять терпение.

Додж встал.

– Ждите здесь, – сказал он и вышел на улицу.

Не считая ударов о металл (в этот момент что-то проходило по трубам) и шума воды на крыше, на какое-то время воцарилась тишина.

– Если выиграю, – внезапно сказала Нэт, – уеду в Лос-Анджелес.

Хезер повернулась в ее сторону. Нэт выглядела вызывающе, будто ожидала, что Хезер станет ее высмеивать.

– Зачем? – спросила она.

– Из-за серферов, – ответила Нэт, а затем закатила глаза. – Это же Голливуд, голова ты садовая. Зачем туда едут?

Хезер подошла к ней и присела. Нэт всегда говорила, что хочет стать актрисой, но она никогда не думала, что подруга говорит серьезно – достаточно серьезно, чтобы действительно стать актрисой, и уж тем более достаточно серьезно, чтобы ради этого участвовать в Панике.

Хезер подтолкнула ее плечом:

– Обещай мне, что, когда станешь богатой и знаменитой, ты не забудешь одну садовую голову, которую когда-то знала.

– Обещаю, – ответила Нэт. Запахло углем. – А ты? Что ты будешь делать, если выиграешь?

Хезер покачала головой. *Побегу что есть сил. Оставив позади мили, мили и мили, отделяющие меня от Карпа. Оставив от прежней Хезер только пыль*, – так она хотела ответить. Но вместо этого она сказала:

– Уеду куда-нибудь, наверное. На шестьдесят семь тысяч можно купить много бензина. Нэт покачала головой.

– Перестань, Хезер, – тихо произнесла она. – Почему ты решила участвовать в Панике?

Хезер тут же подумала о Мэтте и обо всей безнадежности ситуации. Она чуть было не заплакала, но сдержалась.

– Ты знала, – наконец спросила она, – о том, что Мэтт с Делайной?

– Я только слышала сплетни, – осторожно ответила Нэт, – но я им не поверила.

– Я слышала, что они... с ним... – Хезер не могла договорить. Она знала, что была немного скромной, особенно по сравнению с Натали. Она одновременно стеснялась этого и гордилась этим – она просто не могла понять, что такого хорошего в том, чтобы позволять парням слишком многое. – Прямо в чертовом дендрарии⁷.

– Делайна – шлюха, – как ни в чем не бывало сказала Нэт. – Готова поспорить, что она заразит его герпесом. Или еще чем похуже.

– А что может быть хуже герпеса? – спросила Хезер с сомнением.

– Сифилис. Превращает людей в психов. В мозгу образуются дыры, как в швейцарском сыре.

Хезер периодически забывала о способности Натали рассмешить ее в любое время.

– Надеюсь, что не заразит, – сказала она. Ей даже удалось улыбнуться. – Он и так не отличается особым умом, а если еще и заболеет...

– Ты хотела сказать, что ты как раз на это и надеешься. – Нэт изобразила рукой, будто держит стакан. – За сифилис Делайны!

– Ты чокнутая, – сказала Хезер. Теперь она смеялась вовсю.

Нэт не обратила на это внимания и продолжила:

– Пусть сифилис превратит мозг Мэтта во вкусный тягучий сыр.

– Аминь, – сказала Хезер и подняла руку.

– Аминь. – Они притворились, будто чокнулись бокалами.

Хезер снова встала и подошла к двери. Додж по-прежнему не вернулся. Интересно, что он делает?

– Как думаешь, – Хезер сделала глубокий вздох, – меня кто-нибудь полюбит?

– Я тебя люблю, – ответила Нэт. – Бишоп тебя любит. Твоя мама тебя любит. – Хезер состроила гримасу, но Натали сказала: – она действительно тебя любит, Шоколадка. Просто по-своему. И Лили тебя тоже любит.

– Это не то, – сказала Хезер. Затем, поняв, как это прозвучало, она хихикнула: – Без обид.

– Разумеется, – ответила Нэт.

Помолчав, Хезер сказала:

– Я тебя тоже люблю, ты знаешь. Без тебя я бы с ума сошла. Я серьезно. Меня бы забрали в психушку, где бы я... ну не знаю, рисовала инопланетян в тарелке с толченой картошкой.

– Я знаю, – ответила Нэт.

Хезер казалось, будто здесь, в темноте, проплывают все годы, которые они провели вместе, вся их дружба – то, как они учились целоваться на подушках мамы Натали; их первая выкуренная сигарета, от которой Хезер стошнило; все их тайные смс-сообщения на уроках,

⁷ Участок территории, на котором размещена коллекция древесных растений (деревьев, кустарников, лиан), культивируемых в открытом грунте.

которые они строчили под партой или за учебником. Все это было ее, ее и Нэт, и все эти годы были внутри, как матрешки, в каждой из которых находится еще десяток крошечных копий.

Хезер повернулась к Нэт. У нее внезапно перехватило дыхание.

– Давай поделим деньги, – выпалила она.

– Что? – Нэт сощурилась.

– Давай поделим деньги, если кто-то из нас выиграет. – сказав это, Хезер поняла, что это правильное решение. – Пятьдесят на пятьдесят. На бензин вполне хватит и тридцати тысяч.

Какое-то мгновение Нэт просто таращилась на Хезер. Затем сказала:

– Идет. Пятьдесят на пятьдесят. – она засмеялась. – Пожмем руку или поклянемся на мизинчиках?

– Я тебе доверяю, – ответила Хезер.

Наконец вернулся Додж.

– Все чисто, – сказал он.

Они с Хезер взяли Натали и так прошли под водонапорными башнями, выйдя на поляну, которая еще недавно была заполнена людьми. Теперь единственным свидетельством о побывавшей здесь толпе был оставленный мусор – затоптанные окурки и косяки, смятые пивные банки, полотенца, несколько зонтиков. Грузовик по-прежнему был припаркован в грязи, но двигатель был заглушен. Хезер представила, как позже копы будут вытягивать его на буксире. Было на удивление тихо, и весь пейзаж производил жуткое впечатление. Казалось, что все таинственным образом исчезли в разреженном воздухе.

Вдруг Додж вскрикнул:

– Подождите секунду! – и оставил Нэт на Хезер. Он отошел на несколько футов и поднял что-то с земли. Это был переносной холодильник. Когда он направил на него свет от телефона, Хезер увидела, что там по-прежнему лежало пиво со льдом.

– Джек-пот, – сказал он и улыбнулся впервые за весь вечер.

Он взял холодильник с собой и, когда они добрались до двадцать второго шоссе, приложил к лодыжке Натали временную повязку со льдом. У них оставалось три бутылки пива, по одной на каждого, и они выпили их вместе на обочине, где под дождем ждали автобус. Нэт повеселела сразу после нескольких глотков. Вместе с Доджем они пошутили, что нужно закурить сигарету, чтобы автобус пришел поскорее. Хезер знала, что у нее все будет хорошо.

Но телефон Бишопа по-прежнему перенаправлял ее звонок на голосовую почту. Мэтт и Делайна, наверное, уже были где-то в уютном и теплом местечке. А Хезер все еще вспоминала свое состояние, когда она была высоко в воздухе, балансируя на тонкой деревянной перекладине, а от покалывания в ногах ей хотелось прыгнуть.

26 июня, воскресенье

Додж

Додж никогда не спал больше двух-трех часов подряд. Он не любил это признавать, но ему снились кошмары. Ему снилось, что он идет по длинной известковой дороге, которая внезапно заканчивается, и он падает. Иногда ему снилось, что его держат в сыром подвале с низким темным потолком, кишашем пауками.

Кроме того, он совсем не мог спать после пяти утра, когда мусоровоз с грохотом проезжал по кварталу Мэтт. В течение дня тоже невозможно было вздремнуть – люди толпами шли обедать в закусочную Дот; официанты волокли мусор и пустые жироловки⁸, а затем гремели мусорными контейнерами под окнами Доджа. А время от времени, когда задняя дверь закусочной была открыта, оттуда доносились обрывки разговора мамы Доджа:

– *Еще кофе, дорогой?*

Но после испытания на водонапорных башнях Додж спал спокойно и без кошмаров. Он проспал всю обеденную суету и проснулся не раньше двух часов дня. Он натянул спортивные штаны, размышляя, стоит ли идти в душ. Решил, что все же не стоит.

– Приве-е-е-т, – сказала Дэйна, когда он вошел в кухню. Он дико хотел есть. И пить. Как будто игра пробудила в нем чувство голода. – Как все прошло?

Она расположилась в гостиной, где могла смотреть телевизор, а из окна было видно заднюю дверь закусочной. Через окно слабо пробивался серый свет. Пылинки проплывали в воздухе позади мамы Дэйны. На какое-то мгновение Додж почувствовал прилив любви к этой маленькой комнате – треснутая тумбочка под телевизор, тонкий пятнистый ковер, бугристый диван, который почему-то был обит джинсовой тканью.

И конечно, в нем проснулась любовь к ней. К его Дэйне.

С годами сходство между ними немного стерлось, особенно в последний год, когда она набрала вес – ее щеки, грудь и плечи стали больше. Тем не менее сходство по-прежнему было, несмотря на то, что у них были разные отцы и она была гораздо светлее его. У них были одинаковые темно-каштановые волосы, карие глаза, расположенные далеко друг от друга, очерченные подбородки, и носы, которые у обоих были почти незаметно повернуты влево.

Додж открыл холодильник. По-видимому, мама ушла прошлой ночью. В холодильнике были коробочки с остатками китайской еды. Он открыл их и понюхал. Курица с брокколи и жареный рис с креветками. Неплохо. Дэйна смотрела, как он сложил все это на тарелку, взял вилку и начал есть, даже не удосужившись разогреть.

– Ну так что? – напомнила она о своем вопросе.

Он хотел повременить с новостями и ничего ей не говорить, чтобы она помучалась. Но ему нужно было сказать. Нужно было поделиться этим хоть с кем-нибудь. Он отложил тарелку, прошел в гостиную и сел на диван, который они с Дэйной называли Бочкой.

– Полная лажа, – ответил он. – приехали копы.

Она внимательно на него посмотрела.

– Уверен, что хочешь участвовать в Панике, Додж? – спросила она тихо.

– Перестань, Дэйна. – Он был раздражен уже тем, что она это спросила. Он положил ее ноги на свои колени. Только с помощью массажа можно было предотвратить полную атро-

⁸ Специальное устройство, основной функцией которого является фильтрация и очистка сточных вод от жиров, мусора и других вредных веществ, во избежание попадания их в природные водоемы.

фию⁹. Додж по-прежнему настаивал на том, что необходимо каждый день разрабатывать икроножные мышцы, даже несмотря на то, что Дэйна долгое время утверждала, что это бесполезно. Она была у десятка разных докторов. И уже год ходила на физиотерапию.

Но все было без изменений. Никаких улучшений. Она больше никогда не сможет ходить. Если не случится чудо.

Несмотря на ежедневный массаж, ноги Дэйны были по-прежнему тонкие и бледные, напоминающие стебель какого-нибудь растения. Даже когда ее лицо стало более округлым, а руки более широкими, ее ноги продолжали усыхать. Додж старался не думать о том, как в детстве эти же ноги толкали ее вперед во время бега и несли ее к деревьям, когда они карабкались по ним на скорость. Она всегда была сильной. Маленькой, но удаленкой. Она была сильнее и смелее мальчишек.

Дэйна была лучшим другом и подельником Доджа за всю его жизнь. Будучи на два года старше его, она была зачинщиком всех затей и игр, которые они придумывали. Когда ему было пять, они попытались продать бутылки, наполненные их газами. В семь лет они все лето исследовали свой район в Доусене, штат Миннесота, в поисках сокровищ, а в итоге нашли сарай в саду, полный всякой странной ерунды – старый цилиндр, сломанный радиоприемник, две спицы от шины и ржавую раму велосипеда. Они умудрялись находить себе приключения в любом задрипанном городке, куда их маме вздумалось их всех забросить.

Но теперь у них уже никогда не будет приключений. Она больше никогда не сможет забраться на дерево, или покататься на велосипеде, или поставить пять баксов на то, что она все еще сможет обогнать его в беге. Она никогда не сможет помыться, встать и сесть с унитаза без посторонней помощи.

И всему виной был Люк Хэнрэхэн. Он испортил ее машину, сделал что-то с рулевым управлением перед решающим Поединком, из-за чего она съехала с дороги. Додж это знал.

– Мама вчера ходила на свидание, – сказала Дэйна. Очевидно, что она пыталась сменить тему.

– И что? – спросил Додж. Он был еще немного раздражен. Кроме того, их мама находила себе какого-нибудь нового неудачника в каждом городе, где они жили.

– Кажется, он действительно ей нравится. – Дэйна пожала плечами: – Она не стала говорить мне, кто он.

– Наверное, она просто постеснялась, – ответил Додж. В наступившей тишине он услышал шум, доносящийся с улицы – кто-то проходил мимо мусорных контейнеров. Дэйна наклонилась вперед, чтобы выглянуть в окно.

– Черт, – сказала она.

– Малыш Келли? – спросил Додж, и Дэйна кивнула. Малышу Биллу Келли было уже тридцать лет, а его рост был не меньше, чем шесть футов и пять дюймов. Его отец, Билл Келли, двадцать лет был начальником полиции, пока не ушел на пенсию. Все называли его Большой Келли. Додж видел Большого Келли только раз и то всего пару секунд – когда он случайно поставил свой велосипед прямо перед машиной Билла. Билл посигналил ему и крикнул, чтоб тот был поаккуратнее.

Додж вздохнул, убрал ноги Дэйны с колен и встал. Через окно было видно, как Малыш Келли балансирует на стальном цилиндрическом ящике, полном старых жироловок, разбирая содержимое одного из мусорных баков, зажатых около задней двери закусочной Дот, прямо рядом с дверью на кухню. Это был уже третий раз за месяц, когда Малыш Келли сортировал мусор.

⁹ Уменьшение размеров органа или ткани с нарушением или прекращением их функции.

Додж даже не стал надевать футболку. Он пересек короткую бетонную дорожку, которая отделяла их квартиру от закуской, стараясь не наступить на разбитое стекло, – парни, работающие на кухне, иногда выпивали пиво во время смены.

– Эй, приятель! – окликнул Додж, специально громко и весело.

Малыш Келли выпрямился, будто на электрическом стуле. Пошатываясь, он спустился со стального цилиндра.

– Я ничего плохого не делаю, – сказал он, избегая смотреть Доджу в глаза. Не считая щетины, лицо Малыша Келли выглядело как лицо переросшего младенца. Когда-то он был звездой спорта и хорошим студентом, хорошо учился, но потом получил ранение в голову. В Афганистане. Или Ираке. В какой-то из этих стран. Теперь он целыми днями катался на автобусах и забывал вернуться домой. Однажды Додж встретил его на шоссе. Малыш Келли сидел, скрестив ноги, и громко плакал.

– Ты что-то ищешь? – Додж заметил, что Малыш Келли уже накидал небольшую кучку мусора около бака – обертки из фольги, металлические катушки, крышки от бутылок и разбитую тарелку.

Малыш Келли посмотрел на него с минуту, двигая челюстью, будто бы пытался жевать через кусок кожи. Затем неожиданно он оттолкнул Доджа и скрылся за углом.

Додж присел и стал собирать весь мусор, вытасченный Малышом Келли из контейнера. Было уже жарко, и все вокруг провоняло. В тот момент Додж почувствовал, что позади него кто-то движется. Решив, что это вернувшийся Малыш Келли, он выпрямился и, оборачиваясь, сказал:

– Тебе лучше не возвращаться сюда...

Слова застряли у него в горле. Позади него, опершись на свою здоровую ногу, стояла Натали Велец.

– Привет, – сказала она, улыбнувшись. Нэт выглядела так, будто только что приняла душ – вся чистая и красивая. Девушек с такой внешностью можно увидеть где угодно, только не в этом квартале.

Первое, что тут же пришло ему в голову, – пройти мимо нее, зайти в дом, хлопнуть дверью и задушить себя. Но, разумеется, он не мог этого сделать. Черт! Нэт Велец стоит перед ним, а он даже не надел футболку. И не почистил зубы. И не принял душ. И у него в руках фольга из мусорного бака.

– Я тут убирался... – он беспомощно замолчал.

Взгляд Нэт скользнул по его голой груди, затем вверх, к волосам, которые наверняка торчали вверх.

– Ой! – Она порозовела. – Нужно было сначала позвонить. Мне так жаль. Ты, наверное, только что проснулся?

– Нет, совсем нет. Я просто... – Додж старался говорить как можно меньше, на случай, если у него пахло изо рта. – Слушай, у тебя есть минутка? Подождешь меня здесь?

– Конечно! – Покраснев, Нэт стала выглядеть еще лучше – как рождественская печенюшка, покрытая глазурью.

– Одна минута, – повторил Додж.

Оказавшись дома, Додж сделал глубокий вдох. Черт! Нэт Велец. Ему некогда было даже переживать из-за того, что она видела его дом, его маленькую дрянную квартирку. Возможно, она даже проходила мимо жироловок, которые как раз чистили в это время. В своих маленьких босоножках ей пришлось идти мимо остатков всякой гадости, которую повара выносили из закуской. Мимо вонючих мусорных контейнеров.

В ванной Додж почистил зубы и прополоскал горло. Он понюхал у себя под мышками – от них не пахло, но на всякий случай он побрызгался дезодорантом. Он ополоснул волосы водой и надел чистую белую футболку, которая полностью скрывала его татуировку. Она

занимала большую часть груди, а затем оббивала правое плечо и предплечье. Его волосы опять торчали. Он напялил бейсболку.

Хорошо. По крайней мере, нормально. Немного побрызгав мужским спреем для тела, который его мама бесплатно получила в гипермаркете, он почувствовал себя идиотом. Но он решил, что лучше быть идиотом, чем вонять, как бомж.

Снаружи у Нэт хорошо получалось притворяться, что она не замечает, в какой разваливающейся квартире, да еще и рядом с закусочной, живет Додж.

– Привет. – Она снова улыбнулась своей широкой и яркой улыбкой. У Доджа внутри все перевернулось. Он надеялся, что Дэйна не наблюдает за ними из окна. – Извини, что я так ворвалась к тебе.

– Ничего страшного.

– Я хотела позвонить, – начала она. – Спросила у Хезер твой номер. Но потом подумала, что лучше будет поговорить при встрече. Извини.

– Все нормально. – Голос Доджа прозвучал грубее, чем ему хотелось бы. Черт! Он уже все начал портить. Он кашлянул и скрестил руки, стараясь выглядеть естественно. А все потому, что его руки стали напоминать ему крюки для подвешивания мяса, и он не знал, куда их деть. – Как твоя лодыжка? – Она была туго затянута повязкой, что создавало забавный контраст с ее голыми ногами.

– Растяжение. – Нэт скорчила гримасу. – Я переживу, но... – На одну секунду ее лицо перекосилось, будто от боли. – Послушай, Додж, мы можем пойти куда-нибудь поговорить?

О том, чтобы пригласить ее в дом, и речи не могло быть. Без вариантов. Он не хотел, чтобы Нэт гладела на Дэйну или, еще хуже, слишком сильно пыталась вести себя мило. – Как ты добралась сюда? – спросил он, предполагая, что она может быть на машине.

Натали снова покраснела.

– Меня подобрал отец, – ответила она.

Он не стал спрашивать, как она узнала, где он живет, – достаточно было просто поспрашивать у людей. Так было со всем в Карпе. Проблема была в том, куда отвести Натали. Он не мог позвать ее в закусочную – там работала его мама. Тогда нужно было идти в другой квартал.

Нэт шла медленно, по-прежнему все еще прихрамывая, хотя казалось, что ей гораздо лучше, чем прошлой ночью. Но при первой же возможности она села – на ржавое крыло брошенного «бьюика», у которого даже не было колес. Все его окна были разбиты, а сиденья были покрыты пятнами птичьего помета; кожа была разодрана мелкими животными.

– Я хотела еще раз тебя поблагодарить, – начала Нэт. – Ты поступил так... великодушно. Спасибо, что помог мне прошлой ночью.

Додж почувствовал легкое разочарование, которое он чувствовал всегда, когда реальность в общении с другими людьми не соответствовала его ожиданиям. В данном случае – фантазиям. В глубине души он надеялся, что Нэт приехала, чтобы признаться ему в безумной любви. Или, может быть, она бы не стала ничего говорить, а просто встала на цыпочки и приоткрыла рот, позволив ему себя поцеловать. Правда, она вряд ли смогла бы встать на цыпочки, учитывая ее растяжение. Это была одна из миллиона причин, почему его фантазия была нереальна.

– Мне было нетрудно, – ответил Додж.

Она скривила рот, как будто проглотила что-то кислое. Несколько секунд она молчала. Затем выдала:

– Ты слышал, что Кори Уолша и Феликса Харта арестовали?

Додж покачала головой, и Нэт пояснила:

– За пьянство и нарушение общественного порядка. И за незаконное проникновение в неположенное место. – Она перенесла вес на здоровую ногу. – Как думаешь, Паника закончилась?

– Ни в коем случае, – ответил он. – Копы слишком глупы, чтобы остановить Панику. Она кивнула, но не выглядела при этом убежденной.

– Как думаешь, что будет дальше?

– Без понятия, – сказал Додж. Он знал, что Нэт хочет получить подсказку. Он сглотнул неприятный привкус. Она знала, что нравится ему, и пыталась его использовать.

– Думаю, мы могли бы использовать друг друга, – вдруг сказала она, и именно это ее признание, ее честность заставили его дослушать до конца.

– Как? – спросил он.

Натали теребила подол своей юбки, которая выглядела так, будто была сшита из махровой ткани. Из-за чего Додж подумал о полотенцах. А потом о Нэт в полотенце. Солнце светило так ярко, что у него кружилась голова.

– Мы заключим сделку, – сказала Нэт, смотря на него. Ее глаза были темные, страстные и милые, как глаза щенка. – Если один из нас выиграет, мы поделим выигрыш пополам.

Додж был так поражен, что минуту не мог ничего сказать.

– Зачем? – наконец спросил он. – Почему именно со мной? Ты даже не... то есть мы едва знаем друг друга. – Он чуть не спросил: «*А как же Хезер?*»

– У меня предчувствие, – ответила она, и Доджу вновь понравилась ее честность. – Ты хорошо играешь в эту игру. Многое знаешь. – Было удивительно, что Нэт Велец, девушка с густыми идеальными волосами и глянцевыми блестящими губами будет так открыто говорить о том, о чем большинство людей предпочитают молчать. Это как услышать пук супер-модели – удивляет и немного волнует. Она продолжала: – Мы можем помочь друг другу. Делиться информацией. Объединиться против остальных. Так у нас будет больше шансов уничтожить остальных соперников. А потом... – Она сделала жест руками.

– Потом нам придется бороться друг против друга, – сказал Додж.

– Но если хотя бы один из нас выиграет, мы выиграем оба, – возразила Натали, улыбаясь.

Додж не собирался уступать свою победу кому-нибудь другому. Но и деньги его тоже не интересовали. У него была другая цель. Возможно, Нэт это знала или как-то почувствовала.

Поэтому он сказал:

– Ладно. Партнеры.

– Союзники, – поправила его Нэт и протянула ему руку для проформы. Она была мягкой и немного вспотевшая.

Нэт встала, смеясь.

– Тогда договорились. – Нэт не могла встать на цыпочки, чтобы поцеловать его, поэтому она просто взяла его за плечи и чмокнула в шею. Она хихикнула: – Теперь нужно поцеловать с другой стороны для ровного счета.

Додж понял, что этим летом он влюбится в нее по уши.

Потом уже никто не знал, кто разместил видео в Интернете. Оно появлялось на стольких страницах одновременно и распространилось так быстро, что было невозможно понять, откуда оно взялось. Однако многие подозревали в этом Джоуи Эддисона или Чарли Вонга – просто потому, что они оба были мудаками и два года назад сняли и разместили видео из женской раздевалки.

Оно даже не было интересным – только пара дурацких кадров Рэя и Зева, накинувшихся друг на друга, толкающих друг друга плечами, пока вокруг них собиралась толпа. Затем – мигающие огни, кричащие люди, после чего села батарейка. Потом еще изображе-

ния – полицейские фонарики, искаженные голоса, металлические звуки на записи и один крупный план Нэт, с широко раскрытым ртом, одной рукой держащейся за Хезер, а другой – за Доджа. Затем темнота.

Додж по-прежнему хранил копию этого файла на жестком диске – так он мог нажать на паузу в нужном моменте, когда Нэт выглядела так напуганно, а он помогал ей идти.

Через несколько часов электронное письмо обошло всех. В теме письма стоял пропуск. От кого – judgment@panic.com.

Сообщение было простое, всего две строчки:

Язык твой – враг твой.

Не говори никому.

28 июня, вторник

Хезер

– Ты уверена, что это законно, ведь так? – Бишоп сидел на водительском сиденье, положив обе руки на руль, лавируя по изрытой грунтовой дороге с одной полосой. Его волосы были еще более пышными, чем обычно, будто он пытался уложить их с помощью пылесоса. На нем была старая толстовка его отца с логотипом политехнического университета Вирджинии, свободные фланелевые пижамные штаны и шлепанцы. Приехав за Хезер, он с какой-то гордостью объявил, что еще даже не успел принять душ. – Ты ведь не собираешься получить смертельный удар от какого-нибудь психопата, ведь правда?

– Заткнись, Бишоп. – Хезер потянулась, чтобы ударить его, отчего он дернул руль, и они чуть не улетели в одну из канав, которые тянулись по обе стороны шоссе.

– Со своим водителем нужно обращаться не так, – сказал Бишоп, делая вид, что обиделся.

– Ладно. Заткнись, *водитель*. – Хезер чувствовала какое-то беспокойство. Деревья здесь были настолько густые, что они почти полностью загораживали солнце.

– Я просто переживаю за вас, миледи, – парировал Бишоп, улыбаясь и открывая небольшую кривизну передних зубов. – Я не хочу, чтобы из моей самой любимой девушки сделали абажур¹⁰.

– Я думала, что твоя самая любимая девушка – Эйвери, – ответила Хезер. Она хотела просто пошутить, но это прозвучало с долей горечи, как из уст одинокой старой девы, страдающей из-за разбитого сердца. Какой она отчасти и была. Разве что не старой девой – все-таки нельзя быть старой девой в восемнадцать, решила Хезер. Но она недалеко ушла от этого образа.

– Перестань, Хезер, – сказал Бишоп. Теперь он действительно обиделся. – Ты всегда была моей самой любимой девушкой.

Хезер смотрела в окно. С минуты на минуту они доберутся до места. Но теперь она чувствовала себя немного лучше. Бишоп производил на нее такой же эффект, как таблетка успокоительного.

На следующий день после испытания у водонапорных башен Хезер проспала. Ее разбудило сообщение с неизвестного номера: «*Лучше выйди из игры сейчас, пока с тобой ничего не случилось*». Она была так потрясена, что пятнадцать минут искала ключи от машины, пока не вспомнила, что она повесила их на крючок у двери. Затем она появилась на работе спустя двадцать минут после начала смены, за что была уволена. И вот она стоит и всхлипывает на парковке. Еще полторы недели назад у нее был парень и работа. Не слишком хорошая работа, но все же. Хоть какие-то деньги.

А теперь у нее не было ничего. Ни парня, ни работы, ни денег. И кому-то было нужно, чтобы она больше не играла в Панику.

Затем, откуда ни возьмись, на нее напала собака с самым большим языком, который Хезер когда-либо видела. Может быть, «*напала*» было не совсем то слово – собака ее просто облизала, но Хезер была не любителем животных, и для *нее* это было именно нападение. Потом какая-то чокнутая старушка, в руках у которой была целая куча сумок, предложила ей

¹⁰ Отсылка к Эду Гейну (англ. Ed Gein), одному из самых известных убийц в истории США. После ареста в его доме были найдены абажуры, кресла и корзины для бумаг из человеческой кожи.

работу прямо на месте. Даже несмотря на то, что у Хезер из носа текли сопли, а на ее майке были пятна от салатного соуса, которые она не заметила, в спешке собираясь на работу.

Женщину звали Энн.

– Ты понравилась Маппету¹¹. – Маппетом звали собаку с длинным языком. – Обычно он не ладит с незнакомцами. Ты, наверное, легко находишь общий язык с животными.

Хезер молчала. Ей не хотелось говорить, что по большей части она относилась к животным как к прыщам, считая, что лучше всего их не замечать. Если с ними носиться – это может выйти боком. Однажды она попыталась завести себе питомца – бледную золотую рыбку, которую она назвала Звездочкой. Та сдохла спустя тридцать два часа. Но сможет ли она заботиться о домашних животных? Конечно, сможет. Энн предложила сто пятьдесят долларов в неделю на руки, что было почти столько же, сколько Хезер получала за неполную неделю работы в гипермаркете.

Вдруг среди деревьев образовался проем. Хезер с Бишопом приехали. Хезер тут же почувствовала облегчение. Она сама не знала, чего ожидала. Возможно, после всего, что сказал Бишоп, ей представлялся грязный амбар, полный ржавых сельскохозяйственных инструментов. Но вместо этого она увидела длинный красный деревенский дом и большую круглую парковку с аккуратно подстриженной травой. Амбар там тоже был, но совсем негрязный. Рядом с ним было несколько побеленных сараев.

Как только она открыла дверь, навстречу ей выбежали несколько петухов, одна или несколько собак яростно залаяли. Из дома показалась Энн и помахала рукой.

– Ни фига себе! – сказал Бишоп. Он был действительно впечатлен. – Это же зоопарк.

– Видишь? Нигде нет абажуров из человеческой кожи. – Хезер выскользнула из машины, затем наклонилась, чтобы попрощаться с Бишопом. – Спасибо тебе.

Он отдал честь.

– Напишите сообщение, когда вас нужно будет забрать, мадам.

Хезер закрыла дверь. Энн уже шла к ней через сад.

– Это твой парень? – спросила она, прикрывая глаза рукой, когда Бишоп начал разворачиваться.

Это было так неожиданно, что лицо Хезер запылало.

– Нет-нет, – ответила она быстро, отворачиваясь от машины, как будто Бишоп (если он все еще наблюдал за ними) мог понять, о чем они говорят, по ее жестам.

– Он симпатичный, – сказала Энн как ни в чем не бывало. Она помахала ему рукой, и Бишоп посигналил им, прежде чем уехать. Румянец Хезер перешел в жар по всему телу. Она скрестила руки, затем снова их опустила. К счастью, Энн вроде бы этого не заметила.

– Я рада, что ты пришла. – Энн улыбнулась, будто бы Хезер просто пришла к ней в гости. – Давай я тебе все здесь покажу.

Хезер была рада, что Энн, похоже, одобряла ее выбор одежды – чистые джинсы, кроссовки и мягкая рубашка из букле¹², которую раньше носил Бишоп, пока она случайно не села. Она не хотела выглядеть неряшливо, но Энн сказала ей надеть одежду, которую не жалко испортить, и Хезер не хотела, чтобы старушка подумала, что она ее не *слушала*.

Они пошли к дому. Петухи по-прежнему бегали вокруг как сумасшедшие, и Хезер заметила загон на другой стороне двора, в котором расхаживала дюжина желтых цыплят. Они клевали корм и чистили перышки на солнце. Их охраняли собаки. Три собаки, включая Маппета, расхаживали вокруг небольшого ограждения, громко лая.

¹¹ Muppet (англ.) – кукла, персонаж детской программы «Улица Сезам». Слово muppet образовано с помощью слияния слов marionette (марионетка) и puppet (кукла).

¹² Ткань полотняного переплетения из фасонной пряжи, имеющей крупные узелки, расположенные на некотором расстоянии друг от друга, в основе и утке или только в утке, в результате чего ткань приобретает шишковатую поверхность.

– У вас много животных, – отметила Хезер и тут же почувствовала себя глупо. Она втянула руки в рукава.

Но Энн засмеялась:

– Я знаю, что это ужасно. Но я просто не могу остановиться.

– То есть это что-то вроде фермы? – Хезер не видела никакой сельскохозяйственной утвари, но она не знала никого, кто бы держал куриц забавы ради.

Энн снова засмеялась:

– Вряд ли. Иногда я отношу яйца в кладовую для продуктов. Но я ничего не делаю, кроме как убираю за птицами, собаками и за всеми подряд. – Она открыла Хезер дверь. Хезер подумала, что теперь ей придется все лето убирать дерьмо. – Мой муж Ларри очень любил животных, – продолжала Энн, пройдя в дом вслед за Хезер.

Они вошли в самую симпатичную кухню, какую Хезер когда-либо видела. С ней не могла сравниться даже кухня Нэт. Стены были в кремовых и желтых цветах; шкафы из рыжего дерева выцвели почти добела от солнечного света, лившегося сквозь два больших окна. Столы были безупречно чисты. Никаких муравьев. На одной стене висели полки, заставленные бело-голубой керамикой и небольшими фарфоровыми статуэтками – миниатюрными лошадьми, кошками, осликами и свиньями. Хезер боялась шевельнуться, будто один шаг не в ту сторону – и все разобьется.

– Чаю? – спросила Энн. Хезер покачала головой. Она не знала никого, кто пил чай в реальной жизни, – только британцы в мини-сериалах по телевизору.

Энн налила в чайник воды и с грохотом поставила его на плиту.

– Мы переехали сюда из Чикаго.

– Серьезно? – воскликнула Хезер. Самым дальним городом, в котором она побывала, был Альбани. Один раз – со школьной экскурсией, второй раз – когда у ее мамы было назначено судебное заседание за вождение с истекшими водительскими правами. – И как там, в Чикаго?

– Холодно, – ответила Энн. – Морозишь яйца девять месяцев в году. Но остальная пара месяцев – абсолютное удовольствие.

Хезер не ответила. Энн не была похожа на человека, который говорит «яйца», и этим она стала больше импонировать Хезер.

– Мы с Ларри работали в сфере рекламных продаж. Мы пообещали, что когда-нибудь все изменится. А потом он умер. И я все изменила.

Хезер снова ничего не сказала. Она хотела спросить, как и когда умер Ларри, но не знала, насколько это уместно. Ей не хотелось, чтобы Энн подумала, что ее сильно интересует тема смерти и все такое прочее.

Когда вода закипела, Энн налила себе чашку и жестом указала Хезер на дверь, в которую они вошли. Было странно ходить с Энн по двору. Из ее чашки поднимался пар и растворялся в мягком утреннем тумане. Хезер казалось, будто она попала в фильм о ферме, находящейся где-то очень далеко.

Они завернули за угол дома, и собаки снова начали лаять.

– А ну заткнулись! – крикнула Энн, но ее голос звучал добродушно. Они не послушались. Энн, не замолкая, продолжала говорить, пока они шли: – Вот это – загон. – одной рукой она открыла один из маленьких побеленных сараев. – Я стараюсь держать все на своих местах, чтобы однажды не насыпать собакам зерна и не попытаться перемолоть цыплят. Не забывай выключать свет, прежде чем запереть дверь. Я даже не хочу говорить тебе, какие счета за электричество мне приходят.

– Здесь лежат лопаты и грабли. – Они уже стояли у другого сарая. – Ведра, подковы и всякая ерунда, которая лежит здесь, потому что больше нигде. Ясно? Я не слишком быстро рассказываю?

Хезер поняла, что больше не нервничает. Ей нравилось, что солнце светит ей на плечи. И запах темной влажной травы повсюду. Возможно, в воздухе пахло животными, но это было не слишком противно – просто запах роста и рождения чего-то нового.

Энн показала Хезер конюшню, где в полутьме спокойно стояли две лошади – как часовые, охраняющие что-то драгоценное. Хезер никогда не видела лошадей так близко, поэтому она громко засмеялась, когда Энн дала ей морковку и сказала, чтоб та скормила ее черной лошади – леди Бель. Хезер почувствовала ее мягкую морду и легкое прикосновение ее зубов.

– Эти лошади участвовали в скачках. Обе получили травмы. Это спасло их от пули, – рассказала Энн, когда они вышли из конюшни.

– От пули? – переспросила Хезер.

Энн кивнула. Первый раз с момента их знакомства она выглядела сердито.

– Так всегда бывает, когда лошади больше не пригодны для скачек. Хозяева их убивают.

Всех животных Энн спасла от той или иной участи: собак и лошадей – от смерти, цыплят и петухов – от разных болезней, на лечение которых никто не хотел тратить деньги. У Энн были индейки, которых она спала от смерти, кошки, подобранные на улице в Гудзоне, и даже огромная пузатая свинья по имени Динь-Динь, которая когда-то была самым маленьким поросенком в помете. Хезер не могла даже представить, чтобы Динь-Динь хоть *когда-то* была маленькой.

– Ей просто нужно было немного любви, – сказала Энн, когда они проходили мимо загона, где Динь-Динь валялась в грязи. – Любви и около фунта корма в день. – Она засмеялась.

Наконец они подошли к высокому огороженному вольеру. Солнце уже было высоко над деревьями, и его свет преломлялся сквозь поднимающийся туман, так что оно практически ослепляло. За забором была территория не меньше чем несколько акров – в основном – открытая земля, участки грунта, высокая трава и несколько деревьев. Хезер не видела никаких животных.

Впервые за все утро Энн стала вести себя очень тихо. Она попивала свой чай, жмурясь от солнца и глядя куда-то через сетчатый забор. Через несколько минут Хезер потеряла терпение.

– Чего мы ждем? – спросила она.

– Ш-ш-ш, – произнесла Энн. – Смотри. Они придут.

Хезер скрестила на груди руки, сдерживая вздох. Роса просочилась в ее кроссовки. Ногам было очень холодно, а шее – очень жарко.

Там, вдалеке, было какое-то движение среди небольшой кучки деревьев. Хезер прищурилась. Что-то большое и темное, что она сначала приняла за камень, встряхнулось. Затем оно встало. А когда оно встало, что-то уже другой формы появилось из тени деревьев, и уже две особи кружили друг с другом какое-то время, а затем грациозно выпрыгнули на солнце.

У Хезер пересохло во рту.

Тигры.

Она моргнула. Это невозможно! Но они никуда не исчезли, а только подходили ближе. Два тигра. *Тигра*. Каких можно увидеть в цирке. Массивные квадратные головы и огромные челюсти. Мускулистые тела и полосатые шкуры, блестящие на солнце.

Энн внезапно свистнула. Хезер подпрыгнула. Оба тигра повернули головы на звук, и у Хезер сперло дыхание. Их глаза были тусклые, безразличные и *старые* – невыносимо старые, будто вместо того, чтобы смотреть в будущее, они смотрели назад, в далекое прошлое.

Они так близко ходили у забора, что Хезер, ужаснувшись, быстро отступила назад. Они были так близко, что она чувствовала их запах, ощущала жар их тел.

– Как? – наконец смогла спросить она. И хотя хотела спросить немного другое, начало уже было неплохое. В ее голове пронеслись тысячи мыслей.

– Я их тоже спасла, – спокойно ответила Энн. – Их продают на черном рынке. Продают, а затем бросают, когда они становятся слишком большими. Или убивают, если о них некому заботиться. – Во время рассказа Энн просунула руку в решетку и в прямом смысле *погладила* одного из тигров, будто это была домашняя кошка-переросток. Увидев изумление Хезер, она засмеялась. – Они неопасны, когда сыты, – сказала она. – Главное – не пытаться подойти к ним, когда они голодны.

– Мне ведь... мне ведь не придется заходить туда, правда? – Хезер стояла как вкопанная, парализованная страхом и удивлением. Они были такие большие. И так близко. Один из тигров зевнул, и Хезер увидела его белоснежные острые зубы.

– Нет, – ответила Энн. – В основном я просто кидаю еду за ворота. Сейчас я тебе покажу.

Энн проводила ее до всячего замка на воротах, который, по мнению Хезер, выглядел не слишком-то надежно. Тигры, будто бы по случайности, медленно последовали за ними по ту сторону забора. Но Хезер так просто не обмануть. Таковы все хищники – сидят и выжидают в укрытии, пока ты не почувствуешь себя в безопасности, а затем набрасываются.

Она пожалела, что рядом не было Бишопа. Об отсутствии Натали она *не* жалела – та бы точно упала в обморок. Она ненавидела всех больших животных. Боялась даже пуделей.

Только когда они отошли от тигров и вернулись в дом, Хезер расслабилась. Ей казалось, что тигры по-прежнему на нее смотрят. Она представляла, как их острые когти вонзаются ей в спину.

Энн показала Хезер, где хранились ключи от всех сараев – они висели на аккуратно подписанных крючках в «снях», как их называла Энн. Там же Хезер нашла себе резиновые сапоги, такие же, какие были на Энн, спрей от комаров, садовые ножницы и солнцезащитный крем и каламин¹³.

Затем Хезер приступила к работе. Пока она кормила цыплят, Энн рассказала ей, как рассыпать корм. Когда птицы столпились и начали бешено клевать, как одно большое пернатое многоголовое существо, Хезер громко засмеялась.

Энн показала ей, как загонять петухов обратно в ограду, прежде чем выпускать псов, и Хезер была удивлена тем, что Маппет, похоже, ее помнил – в качестве приветствия он несколько раз пробежал вокруг ее ног.

Затем настал черед убирать конюшню. Как Хезер и подозревала, ей пришлось убирать лошадиный навоз, но на деле все оказалось не так плохо, как она думала. Она причесала лошадиные гривы специальной жесткой щеткой. Потом помогла Энн подрезать глицинии¹⁴, которые начали захватывать северную сторону дома. К этому моменту Хезер уже сильно вспотела, несмотря на то, что ее рукава были закатаны. Солнце было высоко и сильно грело. У Хезер заболела спина оттого, что она наклонялась и разгибалась туда-сюда.

Но она была счастлива. Счастливее, чем когда-либо. Она могла практически забыть о существовании остального мира, о том, что ее когда-то бросил Мэтт Хепли, и самое главное – о том, что она совершила Прыжок. Здесь она могла забыть о Панике.

Хезер очень удивилась, когда Энн сказала, что работа закончена, отметив, что уже почти час дня. Пока Хезер ждала Бишопа, Энн сделала ей бутерброд с тунцом, домашним майонезом и помидорами из своего сада. Хезер боялась сесть за стол, потому что была слишком грязная, но Энн приготовила ей место, и она села. Она подумала, что это был самый лучший бутерброд, какой она когда-либо ела.

¹³ Лосьон, используемый при лечении дерматологических заболеваний.

¹⁴ Род высоких древовидных вьющихся субтропических растений из семейства бобовых с крупными кистями душистых лиловых цветков. Широко используется в ландшафтном дизайне.

– Привет, пастушка, – сказал Бишоп, когда Хезер села в машину. На нем по-прежнему были его пижамные штаны. Он нарочито принюхался: – Чем это пахнет?

– Заткнись, – ответила она и ударила его по руке. Он притворился, что поморщился от боли. Опустив окно, Хезер глянула на себя в боковое зеркало. Красное лицо, растрепанные волосы, грудь по-прежнему мокрая от пота. Но, к своему удивлению, она обнаружила, что выглядит довольно-таки... привлекательно.

– Как все прошло? – спросил Бишоп, когда они снова выехали на дорогу. Он купил ей холодный кофе с большим количеством сахара и сливок – как она любит.

Она рассказала Бишопу о маленьком поросенке, который раздулся до огромных размеров, о лошадях, цыплятах и петухах. Тигров она оставила на потом. Бишоп в это время отпивал ее кофе и чуть не подавился.

– Ты же понимаешь, что это абсолютно незаконно? – спросил он.

Она закатила глаза.

– Как и штаны, которые на тебе надеты. Если ты никому не скажешь, то и я не скажу.

– *Эти* штаны? – Бишоп притворился, что обиделся. – Я их специально для тебя надел.

– Можешь специально для меня их снять, – ответила Хезер и тут же покраснела, сообразив, как это прозвучало.

– Скажи только слово, – сказал Бишоп и улыбнулся. Она снова его ударила. Ее по-прежнему переполняло счастье.

До центра было двадцать пять минут езды. Если Мотель № 6, почтовое отделение и ряд дурацких магазинов можно было назвать центром. Но Бишоп утверждал, что нашел короткий путь. Хезер затихла, когда они свернули на Коралловое Озеро, которому нельзя было дать более неподходящее название – воды там совсем не было, только упавшие бревна и наполовину сгоревшие деревья. Несколько лет назад здесь бушевал пожар. Шоссе шло параллельно владениям Джека Донахью, и это было не к добру.

Хезер всего несколько раз была на Коралловом Озере. Джек, готовый стрелять без разбора, был известен следующим – он всегда был пьян, был наполовину психом, имел арсенал оружия. Его владения были ограждены забором, охранялись собаками и бог знает кем еще. Когда его забор стал виднеться, возвышаясь над шоссе, Хезер в какой-то степени ожидала, что Джек с грохотом выйдет из своего дома и начнет подкалывать их по поводу машины. Но этого не произошло. Хотя несколько собак пробежали через двор с диким лаем. Эти собаки не были похожи на псов Энн. Они были худые, рычали и выглядели грозно.

Они почти проехали границы владения Джека, когда Хезер что-то заметила.

– Стой! – она практически закричала. – Стой!

Бишоп надавил на тормоза.

– Что такое? Черт возьми, Хезер, что случилось?

Но она уже вышла из машины и бежала назад, к провисающему пугалу. По крайней мере, это выглядело как пугало. Оно упало на землю и прислонилось к забору Донахью. Внутри у нее все сжалось от страха. У нее было странное чувство, что за ней следят. С чучелом было что-то не так. Оно было сделано слишком грубым, слишком *бесполезным*. По эту сторону Кораллового Озера не было никаких ферм и никаких причин делать пугало, особенно такое, которое выглядело так, будто его выбросили из багажника автомобиля.

Дойдя до него, она какое-то время медлила, будто боялась, что оно вдруг оживет и укусит ее.

Затем она подняла его голову, которая сползла с его тонкой набитой шеи.

На чистом полотне, где у чучел рисуют лицо, маркером были аккуратно написаны слова:

Пятница, полночь.

Игра продолжается.

1 июля, пятница

Додж

Ночью пятницы народу было меньше. Атмосфера была унылая, напряженная. Все волновались.

Не было ни пива, ни музыки, ни взрывов смеха. Только несколько десятков человек молча столпились внизу по шоссе, в пятидесяти футах от забора Джека Донахью. Все стояли вместе с белыми лицами от света фар.

Когда Бишоп заглушил двигатель, Додж услышал прерывистое дыхание Натали. Додж всю дорогу старался отвлечь ее, показывая простые магические фокусы, вроде тех, с доставанием карты из кармана куртки и с исчезновением монеты с ладони. Потом он сказал:

– Просто действуй согласно плану, идет? Будешь действовать по плану, и все будет хорошо.

Нэт кивнула, но выглядела она плохо – будто ее вот-вот стошнит. Она сказала ему, что до смерти боится собак. А также лестниц, высоты, темноты и чувства, когда посреди ночи ты смотришь в телефон, но у тебя нет входящих сообщений. Насколько он мог судить, она так или иначе боялась всего. И несмотря на это, она решила играть в Панику. Этим она нравилась ему еще больше.

И она выбрала Доджа в качестве своего союзника.

Бишоп ничего не сказал. Интересно, о чем он думал? Додж всегда считал Бишопа неплохим и достаточно образованным парнем, но он вечно таскался за Хезер, как большая глупая овчарка. Но мнение Доджа стало меняться. Во время поездки Бишоп иногда поглядывал в зеркало заднего вида, и Додж заметил в его взгляде какое-то предупреждение.

Ночь была ясная и тихая. Было почти полнолуние, и луна висела высоко в небе, из-за чего были видны только очертания людей и предметов на фоне забора. Но все равно было темно. Несколько раз вспыхнул сигнальный огонь, и Хезер, Бишоп, Нэт и Додж пошли в ту сторону. Доджу хотелось взять Нэт за руку, но она крепко себя обнимала.

По крайней мере, у Доджа было время все спланировать и подготовиться. Если бы Нэт не сказала ему о пугале, которое заметила Хезер, он бы вряд ли узнал о новом испытании до этого сегодняшнего утра.

Всем участникам одновременно пришло письмо с зашифрованного адреса judgment@panic.com.

Место проведения: шоссе у Кораллового Озера.

Время: полночь.

Цель: забрать из дома приз.

Бонус: найти письменный стол в оружейной комнате и взять то, что там спрятано.

– Итак. – Диггин говорил тихо, когда они подошли к толпе. Они опоздали. – Игроки, выйдите вперед.

Они вышли, выделяясь среди зрителей. На этот раз и игроков и зрителей было меньше. После полицейской облавы все были на нервах. И шоссе у Кораллового Озера было нехорошим местом. И Джек, стреляющий без разбору, был не подарок – совсем не подарок. Псих, пьяница и даже хуже.

Додж понимал, что он пристрелит их, не раздумывая.

Луч фонарика осветил каждого игрока. Казалось, что минуты тянулись часами. Отсчет занял целую вечность. Додж видел Рэя Хэнрэхэна, который громко жевал жвачку, стоя с

внешней стороны круга игроков. Его лицо было скрыто тенью. Додж почувствовал знакомый приступ злости. Странно, что он никогда не приходил – такое ощущение, что в последние два года он только еще больше разрастался, как раковая опухоль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.